

A movie poster featuring a man and a woman. The man, in the background, has a beard and is wearing a white button-down shirt. The woman, in the foreground, has her hair in two braids and is wearing a blue and white striped tank top. She has colorful body paint (blue, yellow, orange, and white) on her face and neck. The background is a bright, modern interior with large windows.

ЯНКА
РАМ

Безобашенная

“ДЕТКА ХОЧЕТ ПОСМОТРЕТЬ...”

Танцы на углях

Янка Рам

Безбашенная

«Янка Рам»

2021

Рам Я.

Безбашенная / Я. Рам — «Янка Рам», 2021 — (Танцы на углях)

Очень легко, оказывается, сесть в ноги женщине в сексе. Нет. Не очень легко... Но в этом есть своя прелесть – позволять маленькому чудовищу резвиться. И если откинуть все предубеждения и расслабиться – это несложно. Сложно уйти вниз по-настоящему. Когда ты понимаешь, что связь работает только в один конец. Что ты ничего не можешь сделать для того, чтобы что-то получить. И всё, что ты в истерике пытаешься делать, только отдаляет тебя от результата. Ты можешь только ожидать и быть благодарным. Ты даже не можешь ничего предпринять, чтобы это прекратить. Ломает ли меня это? Неописуемо ломает. И единственное, что я действительно могу сделать, чтобы не сломаться окончательно, это отдать тебе контроль, слепо веря в то, что я тебе нужен, не безразличен...

© Рам Я., 2021

© Янка Рам, 2021

Содержание

Пролог – Моё новое чувство	5
Глава 1 – пиры на горизонтах (часть 1)	7
Глава 1 – Пиры на горизонтах (часть 2)	11
Глава 1 – Пиры на горизонтах (часть 3)	14
Глава 1 – Пиры на горизонтах (часть 4)	17
Глава 2 – Полегче на поворотах	20
Глава 3 – Передумать	26
Глава 4 – Когда всем больно	30
Глава 5 – Владеть	35
Глава 6 – Лев вернулся	37
Глава 7 – Одарённая барышня	39
Глава 8 – Аналитика и психо	44
Глава 9 – Вернуться в строй	47
Глава 10 – Перебор (часть 1)	54
Глава 10 – Перебор (часть 2)	58
Глава 10 – Перебор (часть 3)	65
Глава 10 – Перебор (часть 4)	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Янка Рам

Безбашенная

Пролог – Моё новое чувство

Моё новое чувство.

Оно возникло, когда он сдался. Не мне. Просто сдался.

Внутри меня словно поместили воздушный шарик и накачали. Он давит на мои лёгкие, не позволяя им полноценно раскрываться. Всё время чувствую удушье. И оно так навязчиво, что я не могу сосредоточиться на чём-то другом.

Что это?

Иду от остановки до работы по заснеженному тротуару. Снег хрустит под ногами.

Новое чувство...

Пытаюсь с ним экспериментировать, направляя свои мысли в разные сферы. Ослабевает, когда я полностью открываюсь ему и позволяю течь.

Интуитивно нахожу в плеере нужный трек для резонанса. Пикник – Египтянин.

Я свободна, да! В том числе и от почвы под ногами!! Пьянящее головокружительное падение вниз. Ты тоже летишь, Зверь мой?.. Встречного ветра тебе! Расправляй свои крылья, ты прекрасен.

И я наконец-то вдыхаю полной грудью, от ударной дозы кислорода голова кружится, и губы растягиваются в пьяной улыбке.

Это наполняет каждую мою клеточку. Сердце трепещет... Это очень сильно! Пытаюсь зафиксировать это состояние, чтобы знать, как возвращаться к нему при желании. Мне нужен якорь. И я ищу, ищу...

И вдруг внезапно он возникает.

Аронова больше нет, я свободна. Абсолютно!

Он есть, конечно. С ним всё относительно в порядке. Он работает, он курит, молчит...

Но его больше нет. Я тоже могу задохнуться от этого встречного потока жизни, несущегося сейчас мне навстречу, и не снести его на*ер своими кульбитами. И это прекрасно тоже.

Нет его... Это так болезненно сладко – это чувство потери. Сладко, да. А почему? А потому, что я могу сломать его решение в любую секунду. Взмахнуть крыльями – и падение снова превратится в полёт. Но там, подо мной, ещё такая глубина!! И пока мне хочется врезаться со всей дури в те камни, что лежат на невидимом дне ущелья. Мне любопытно, что я почувствую в тот момент. И я не делаю логичного – не «распахиваю свои крылья».

– Доброе утро.

Охранник кивает мне в ответ.

И впервые я сама выбираю лифт, а не лестницу. Всего-то второй этаж, но мне хочется добавить немного накала в моё новое чувство, пусть оно подчиняется мне.

Я помню его эмоциональный срыв в этом лифте. И пока пять секунд еду до второго этажа, голову кружит от воспоминания вкуса его эмоций.

Выхожу у ресепшена. Там, на диване, мой заспанный Чеширский кот.

– Женька... – улыбается он.

Молча сажусь к нему на колени и втыкаю один свой наушник в его ухо. Внимательно смотрю в глаза. Чеширская улыбка постепенно исчезает. Остаются только его глаза и мои глаза. Приближаю свои, пока его не растекаются...

Чувствую, как музыка течёт теперь и сквозь него.

– Будто я египтянин... – шепчу ему синхронно с текстом. – И со мною и солнце, и зной... и царапает небо когтями... лёгкий Сфинкс, что стоит за спиной! Будто я...

Глаза Чеширчика медленно моргают.

Прижимаюсь губами к его скуле. Песня заканчивается.

– Отомри, – забираю наушники.

– У-у-ух... – ошарашенно выдыхает он. – Чего это было?

– Сеанс утреннего полёта.

– Спасибо...

– Чеширский, – шепчу ему на ушко. – Достань мне косячокс.

– Аха! Обалдела? – начинает хихикать он. – Аронов меня закопает.

– Он занят закапыванием себя, – улыбаюсь я Ожникову. – Достанешь?

– Нет. Маленькая ты ещё.

– Жадина! – со смехом тискаю его щёки с ямочками. – Я ж всё равно достану.

Чувствую на себе тяжёлый взгляд. Оперевшись спиной на косяк, Аронов безэмоционально и рассеянно смотрит на нас.

– Женя, зайди ко мне, пожалуйста.

Смотрю на часы.

– Ко мне люди придут через пять минут.

– Я тебя долго не задержу.

Встаю с колен Чеширского.

Захожу за Ароновым, прикрывая плотнее дверь.

Он открывает окно, достаёт сигареты...

– Я сегодня уезжаю, Жень.

– Счастливого пути, Олег.

– Это не всё. Я хочу, чтобы ты знала... Я уезжаю не один. С... другой женщиной, – ему очень тяжело даются эти слова.

С другой женщиной? Навешиваешь камней, чтобы долететь до дна побыстрее? Думаешь, БАХ!! – и всё?

Увы, мой Зверь, увы. Полёт будет головокружительно долгим. Мы с тобой выбрали бездну, разве ты не помнишь?

– Не хотел бы, чтобы ты восприняла это как измену. Поэтому ставлю в известность.

– Измену? В любви можно изменить только самому себе...

Его взгляд застывает в пространстве между нами.

Обнимаю его. Позволяет мне это, неподвижно застыв. Ощущения от него такие, словно он стянут в самой жестокой бандажной вязке. А мне хочется напомнить ему, что он тоже свободен. Внутри меня нет боли, которая могла бы сковать его так. Он хотел бы её, я понимаю. Чтобы я сейчас порыдала, покричала на него, обвинила в этом его решении... Хочет! Пережить вместе этот экшен, да. Вместе.

Но у меня есть для тебя кое-что поубойней! Попробуй пережить это. Без меня.

– Я желаю тебе счастья, – отстраняясь, спокойно смотрю в его глаза.

Внутри меня штиль.

Выхожу.

Глава 1 – пиры на горизонтах (часть 1)

На столе у Крис пачка фоток. Поднимаю несколько. Это с Нового года.

– Как твой экзамен?

– «Отлично».

– Моя умничка!

На одном из фото я и Олег.

Крис заглядывает в неё вместе со мной.

– Счастливый такой, – грустно улыбаясь, Крис ведёт пальцем по его лицу.

– Он так редко улыбался, когда был со мной.

– А без тебя совсем не улыбался.

– Это, наверное, эгоистично, но я не жалею, что у нас были эти несколько месяцев. Но мне жаль, что я разучила его улыбаться.

– Дурочка... – её руки обвивают мою талию. – До тебя ТАК он не улыбался в принципе.

И я уверена, что он тоже не сожалеет.

Стягиваю со стола ножницы, разрезаю фотографию пополам и выкидываю часть с собой в мусорное ведро.

Крис вздрагивает:

– Зачем?!

– Так надо.

– Кому?

– Ему.

– Женечка... Может, стоило тормознуть его?

– Зачем? – непонимающе смотрю на неё.

– Другая женщина, Жень.

– И что?

Пытливо изучает моё лицо.

– Тебе не больно?

– Мне должно быть больно?

– Вообще, по канону – да! – поджимает губы Крис.

– Хм... Я в это не верю, но допустим. Допустим, там реально та женщина, от которой его крышу снесло больше, чем от меня. Тогда счастья ему! Пусть вот так счастливо улыбается, как здесь! – взмахиваю куском фотографии. – Почему мне должно быть больно? Мой родной, близкий человек счастлив! Кроме благодарности к этой женщине я не испытываю ничего. К нему... Мне достаточно осознания его счастья, чтобы резонировать на этом и кайфовать от того, что между нами нет больше его болевых трипов. И мы сможем просто дружить. А теперь ближе к реальности. Мы же обе понимаем, что та женщина... Это попытка вернуть себе внутреннюю автономность. Попытка бесперспективная. Потому что, если уж Аронов говорит громкие слова, то за ними стоит то, что преодолеть по щелчку пальцев он не в силах. Но я не могу его осуждать за эту попытку, Крис. Если бы я чувствовала то, что чувствует он, я бы испробовала всё, чтобы избавиться от этого чувства! Даже такие бесперспективные идеи. А вдруг... И мне больно, конечно. Потому что то, что он делает – бессмысленно и болезненно для него. Ничего кроме разочарования это ему не даст. За это больно. Но пусть походит этими дорогами! Это его право.

– Примешь его обратно?

– Я не понимаю, о чём ты говоришь.

– Всё ты понимаешь!!

– Скажем так... Я пошла дальше. На моих горизонтах пиры! Ждать его, чтобы разделить это, я не стану. Мои вкусы развиваются. И, вернувшись, он легко может уже не попасть в меню.

– Циничненько...

– Да?

– Но правильно! Только так с ними. Просто не представляю, как вы будете работать рядом, – закусывает она губу.

– Если это будет сложно для него, я уйду.

– Нет, нет... Подожди! Почему мы будем решать созданную им проблему твоей кровью?

– Потому что...

– И моей кровью! Не хочу я другого ассистента!

– Потому что, Крис, если мне будет невкусно находиться с ним рядом, я буду искать другие охотничьи уголья. Но нашу с тобой связь это не сломает, я тебе обещаю.

– Но... ты скучаешь?

– Пока больше отдыхаю, – честно признаюсь я. – Но буду скучать, конечно. Какое-то время. А может, не буду! Посмотрим.

Кладу его фотку себе в карман. Пусть будет. А вдруг-таки буду скучать.

– Поехали к нам?

У Крис ремонт, и она пока живёт у Лёхи.

– Неа... Не хочется.

Мне кажется, Крис загоняется гораздо сильнее меня по поводу побега Аронова.

Выйдя на ресепшен, сталкиваюсь с Таней.

– Да, Олег! – показательно громко говорит она по телефону, поглядывая мстительно на меня. – Конечно. Хорошо... Мхм... Я сделаю, да. Как отдыхается?..

Иду мимо.

Хреново ему отдыхается... Чувствую даже через этот телефон, по которому он говорит не со мной.

– Жека, – ловит меня Ожников. – Приезжай ко мне сегодня?

Он тоже уловил, что у нас какие-то мощные «нелады». А может, Олег сказал. Или Крис. Я не знаю. Мне по большому счёту...

И теперь Ожников пытается заполнить опустевшее место своим дружеским вниманием. Но...

– Неа. Не хочется.

– Чем будешь вечером заниматься?

– Учить.

Внизу в фотомастерской Полина. Забираю свой рюкзак.

– Жень, а Олег не сказал, когда вернётся?

– Мне – нет.

– Пипец...

– Что такое?

– Я его объектив, кажется, коцнула. Сенсор теперь шумит. Он убьёт меня! А у тебя нет его номера? Старый отключён.

– Нет. Его нового номера у меня тоже нет.

Забираю рюкзак, сбегая.

На улице холодно, я без шапки. Не выношу шапки. Они закрывают мой лоб, и тогда я словно слепну. Это так раздражает! Как-будто перед глазом повесили какую-то тряпку. Вроде бы всё видно вторым, но постоянно хочется убрать помеху. Отыскиваю в рюкзаке большие наушники. Включив музыку, надеваю сверху капюшон, потом перчатки... Хочется немного погулять, несмотря на мороз.

Иду вдоль дороги по направлению к мосту. Ветрина...

Капюшон срывает с головы, и я разворачиваюсь спиной, чтобы надеть его. Плохая была идея идти пешком. Волосы крутит под порывами ветра, я почти ничего не вижу. Только мерцающие ближние какой-то спортивной тачки. В ушах орёт музыка. Надеваю капюшон, отворачиваюсь, иду дальше.

Неожиданно меня кто-то хватает за локоть, и я, покачнувшись, теряю равновесие. Подхватывает за талию. Парень. Молодой, но уже больше мужчина, чем парень. На его лице ухмылка перетекает в улыбку и обратно.

Рассматриваю. Он что-то говорит, мне не слышно.

Симпатичный... Крепкий... Наглый. Двадцать два примерно.

– Я тебя не слышу, – закрываю руками щёки от леденящего ветра.

Легко поднимает за талию, относит к своей тачке, ставит на ноги, открывает мне переднюю дверь. С улыбкой показывает рукой внутрь.

В целом ощущения от него достаточно приятные, и я не чувствую ничего критичного.

Сажусь. В машине тепло. Снимаю капюшон, наушники.

Присаживается рядом.

– К тебе или ко мне? – провокационно глядя на меня через зеркало дальнего вида.

– Ко мне, конечно, – невозмутимо отвечаю я.

Чуть заметно осаживается, сжимая губы, чтобы не улыбаться.

– Какая решительная! Даже имени моего не спросишь?

– Ты будешь... ммм... – тоже прячу улыбку. – Семьсот двенадцатый.

Это номер его тачки.

Прыскает от смеха:

– Круто! А ты будешь... – задумчиво.

– А я буду, да! – усмехаюсь, выкручивая на максимум звук в тачке, не позволяя парировать. Перехватываю его за ворот спортивной толстовки. Тяну к себе.

Растерянно поддаётся моим рукам, облизывая губы.

Разбежался. Веду носом вдоль его челюсти. Чувствую, как в нём мощно пульсирует кровь. Она бросается ему в лицо. Не от смущения, скорее, от резкого и неожиданного вторжения в его личную зону. Он был настроен как хищник, а оказался в роли жертвы. Это фрустрирует, да.

Хороший запах... Отпускаю, слегка толкая в грудь для придачи ускорения.

Застывает, поднимая вопросительно бровь. Делает музыку в машине тише.

– Ты меня понюхала?..

– Разве не так определяют пригодность еды?

– Я – еда?

– Ну, ты же хочешь ко мне домой, нет?

– Пожалуй, покормлю тебя для начала где-нибудь! – посмеиваясь, качает головой. – А ты у нас опасная, да?

– Я-то? – немного оскаливаюсь в ответ. – Ну что ты... Не бойся! Смотри, какой ты крепкий мальчик. Всё выдержишь!

– А где сейчас те семьсот одиннадцать, что были до?

– Дома покажу, – ухмыляюсь я.

– Слушай, – смеётся он, выжимая газ. – Ты прикольная! А почему так запросто садишься в тачку к незнакомцу? Может, я маньяк сексуальный?

– Сексуальный маньяк у нас я, – показываю ему язык. – А ты у нас жертва. Веди себя соответственно, не сбивай мне сценарий.

– Ладно! Что у нас по сценарию?

– По сценарию у нас...

Прости, семьсот двенадцатый, но ты попал!

- ... Перфоратор.
- В каком смысле?! – рывком тормозит он на светофоре.
- И я угораю.
- Нескучные ассоциации, да?!
- Вообще... – оттягивает нервно ворот толстовки.
- Перфоратор, гардина, шторы. Решешь такую задачку?
- Попробуем... А потом?
- А потом пицца и чай.
- Уже интересней. А дальше?
- А дальше я тебя поцелую с благодарностью в нос, и отпущу с миром, не притронувшись к твоему «перфоратору» и не спросив имени. Это мой максимум!
- Реально маньячка...

Глава 1 – Пирь на горизонтих (часть 2)

Моя сессия закрыта. С горем пополам, но на «отлично».

Есть, правда, один маленький нюанс: несостоявшаяся комиссия. Но по разрешению ректората данный экзамен перенесён для меня на следующий семестр в связи с отсутствием состава комиссии. Александр Владимирович расстарался! Мне не удалось поймать его сегодня, когда закрывала сессию, чтобы сказать спасибо.

Поэтому я беру телефон и делаю то, что, вообще-то, делать нельзя. Пишу ему искреннюю благодарственную оду о том, что он лучший.

И он делает то, что тоже, вообще-то, делать нельзя в нашей с ним ситуации. Отвечает: «Надеюсь, это не сарказм? Потому что помочь тебе было очень трудоёмко».

«Это не сарказм. Я покорена».

«Туманова... Я бы тебе мог многое написать сейчас, но не хочу создавать такой компромат, как переписки со студентками. Испарись! Я хочу отдохнуть».

«И это правильно! Ваши переписки могут попасть не в столь благонадёжные руки, как мои. А то, что Вы хотели бы мне написать, я знаю и так. Испарилась. Хорошо Вам отдохнуть».

Листаю зачётку.

На «отлично»!! Стипендия! Это не так уж и много, но пусть будет как страховка. Вдруг мне реально придётся экстренно менять работу? Путь в общагу теперь закрыт. У родителей я брать не буду. А в кармане у меня... Пока ещё вполне себе, кстати.

Телефон пиликает смской.

Семьсот двенадцатый: Занята?

Маньячка: Занята.

Семьсот двенадцатый: У меня с собой перфоратор...

Ха-ха... Вспоминаю, как мы с ним весело развешивали шторы и стебались над темой «перфоратора». Горячо и вкусно.

Маньячка: Очень соблазнительно, но не сегодня, увь.

Семьсот двенадцатый: Когда?

Когда, когда... Я задумчиво хмурюсь.

Семьсот двенадцатый: Эй, сексуальная? Чего молчим? Когда?

Маньячка: Думаю.

Семьсот двенадцатый: Вообще-то, должен тебе признаться, что я уже внизу.

Маньячка: О, нет! Я не могу сейчас. Ко мне через полчаса приедут гости.

Семьсот двенадцатый: Что за гости?

Маньячка: Слишком много вопросов для семьсот двенадцатого!

Семьсот двенадцатый: Да? Учту...

Семьсот двенадцатый: Я поднимусь ровно на пять минут.

Маньячка: Боюсь, что за пять минут мы твой перфоратор протестировать не успеем.

Семьсот двенадцатый: А если сильно постараемся?

Маньячка: Ты так плох?

Семьсот двенадцатый: Может, наоборот? Так хорош...

Маньячка: Цель визита?

Семьсот двенадцатый: Обещанный поцелуй в нос.

Маньячка: Ну раз уж я обещала... Поднимайся!

Прошлый раз ему не перепало.

Выглядываю в окно, вижу его тачку.

Иду открывать дверь, скидывая капюшон халата с мокрых волос. Только после душа... Открываю, пропускаю его внутрь.

В руках цветы. Молча всовывает букет мне в руки, подхватывает вместе с ним и аккуратно впечатывает в стену. Моё дыхание срывается от этой внезапности и от страстей, которые плещутся из него. Вжимает в стену чувствительнее, проталкивая колено между моих бёдер.

От его кипения мне горячо внутри. Сердце стучит.

– Давай... – требует он. – Не трать мои пять минут.

С улыбкой тянусь губами к носу, но он, обхватив меня ладонью за шею, впечатывается в губы.

– Нет! – со смехом уворачиваюсь я, толкая его в грудь.

– Да! – губы скользят по моему лицу, зацеловывая и пытаясь поймать мои. – Да, да, да...

Не жадничай!

Впивается глубже. Горячий язык...

От неожиданности чужого, незнакомого вкуса и лёгкого передоза эмоциями букет падает у меня из рук.

– Цветы! – уворачиваюсь опять.

– Чёрт с ними...

Зажимает крепко, что уже не выкрутиться, и я впиваюсь в его нижнюю губу. Так, чтобы чувствительно.

С рычанием дёргается.

– Больно!

– Шаг назад.

Отпускает, молча делая этот шаг. Глаза обиженные.

– Так, семьсот двенадцатый... – делаю шаг к нему сама. – Насиловать могу только я. Даже так сладенко. Ясно? Тогда мы договоримся.

Молчит.

– «Девочки сверху». Ты меня понимаешь? И только в такой позиции мне будет интересно... ммм... твой перфоратор.

Обида в его глазах меняется на что-то другое, сродни тревоге.

– Тебя кто-то обижал? – вглядывается глубже в мои глаза.

Хороший парень, да. Несмотря на демонстративный налёт циничности и лёгкую борзоту. Бьёшь немного глубже, и они слетают. А там всё вполне себе.

– Нет, не поэтому.

– Почему тогда?

– Пять минут прошло. Тебе пора.

– Я, возможно, больше не приду, – хмурится он. – Чего-то не зашла мне эта история!

Да, долгой истории у нас не выйдет. Вот горячая могла бы вполне. Но...

– И это будет верным решением для тебя, – делаю шаг ближе, целую в нос и шепчу ему: – Давай, семьсот двенадцатый... Удачи тебе в охоте. Спасибо за шторы.

При попытке отстраниться перехватывает за талию. Руки больше не наглые. Держат аккуратно.

Я практически слышу, как щёлкает в его мозгах.

– Ну всё, иди.

Отрицательно качает головой.

– «Девочки сверху», значит... – слегка пренебрежительно. – Ладно. Тебя – покатаю. Как тебя зовут-то, наездница?

– Евгения.

Целует в нос.

– Женя, значит.

В дверь стучат. Это мои Ангелы и Танюшка.

– Встречай гостей, – игриво, но ревниво.

Открываю дверь. Мои шумно заваливаются, слегка тушуясь, заметив незнакомого персонажа. Танюшка нечаянно налетает на него спиной.

Он ловит её за плечи, аккуратно возвращая в горизонтальное положение.

– Извините... – смущается она, поглядывая на меня.

В коридоре тесно. Экстренно подхватываю с пола букет, пока не растоптали.

Семьсот двенадцатый слегка агрессивно оглядывает парней.

– Пока, Жень.

– Пока...

...семьсот двенадцатый! – заминаю я окончание фразы.

В полной тишине выходит за дверь.

Немец с Боречкой вопросительно сверлят меня глазами.

Игнорируя, показываю на комнату.

– Прошу!

Глава 1 – Пир на горизонтах (часть 3)

Щёлкаю пультом музыкальной системы. Олег подарил на Новый год. Шесть колонок, подвешенных под потолком, создают эффект объёма и глубины звука. Нереального звука!

– Ни хе*а себе техника! – Боречка восторженно разглядывает систему. – Это сколько стоит?!

– Нам, девочкам, такого знать не положено.

– Подарок от фотографа? – играет он бровями. – Очень респектабельный жест...

– Дело не в цене.

Просто я люблю качественную музыку, и он хотел порадовать.

– А выглядит, как попытка купить твоё внимание.

– Ему не нужно было его покупать, – закатываю глаза. – Он слишком хорош для того, чтобы покупать себе женщину.

– Было? – многозначительно прищуривается.

– Забудь, сладкий! – ухмыляюсь я. – Никаких детей в моей кровати.

– Кстати! – осматривает мою небольшую комнатку Боречка. – Как будем размещаться?

– Не волнуйся. Уложу вас штабелями!

Усевшись по-турецки по периметру на разложенном диване, ребята потихоньку цедят пиво и кайфуют от музыки. Я вырубаю свет, оставляя только встроенную светомузыку. И падаю на спину посередине дивана между ними. Их эмоции лёгкие, сладенькие и чуть пьяные. Закрываю глаза, кушая этот диетический компотик. Этим не наешься досыта, но как аперитив вполне себе!

Через какое-то время Танюшка сбегает в разложенное кресло. А Русь начинает собираться домой. Он живёт в пригороде и обещал родителям приехать сегодня к ночи.

Проводив Грустного Ангела, возвращаюсь обратно. Между Немцем и Весёлым молчаливое столкновение. Очень быстро считываю: Танюшка спит на разложенном кресле, второе пока не занято, и они думают, что один из них ляжет со мной.

– Спорим, не подерётесь? – улыбаюсь я.

Разворачиваются ко мне.

Кидаю подушку и постельное для себя на второе кресло. Присаживаюсь сверху.

– Сегодня, ребята, у вас либо половая любовь, – киваю на пол, – либо однополая! Есть ещё, конечно, один вариант: Немец может сбежать ночевать к своей прекрасной фее.

Немец не из тех, кто способен добровольно подписаться на celibat или довольствоваться случайным сексом, поэтому у него есть женщина. Он не особенно распространяется об этом, но и не скрывает.

Отрицательно качнув головой на моё предложение, он показательно заваливается на диван, улыбаясь мне.

– Тогда всем байньки! – кинув в них одеялами, я забираю с батареи своё полотенце и ухожу в душ.

Натянув на голое тело длинную футболку, поудобнее устраиваюсь на кресле. Это, конечно, не роскошный трон Аронова, но тоже ничего!

Аронов...

Тело предательски крутит при воспоминании об его взгляде, теле, запахе... Резко накачивается ощущение, словно он входит в меня, и я сжимаюсь, гася стон.

Оставь меня в покое! Отыскиваю в себе его образ:

– Отдыхай там на своем «отдыхе»!

Спать! – приказываю себе. Замедляя дыхание, ловлю ощущение пустоты где-то в районе затылка, сосредотачиваюсь на нём, останавливая огромное количество голосов в своей голове.

Становится тихо... Сознание заполняется чем-то белым и ватыным. Звуки музыки расслаиваются, приобретая ещё больший объём. И, повисев немного в этом состоянии, я отпускаю себя, погружаясь в сон без потери сознания.

Сон обрастает звуками, цветами... Внутренние голоса превращаются в персонажей, я слушаю то, что они хотят сказать мне... Я вижу Олега... Он молчит. Только смотрит. Сметаю его образ, ныряя в тут же появляющийся водоём с головой. Звуки голосов заглушаются...

Ощущение за пределами моего сна сбивает его логику. Прислушиваюсь... Считываемое мной намерение забавно!

Выныриваю из-под толщи воды и сна одновременно.

Немец...

Оседлав кресло, он аккуратно располагает мои бёдра поверх своих, устраиваясь прямо между моими разведёнными ногами. Не сопротивляюсь. Его руки скользят по коже. Пара неловких (или ловких!) движений – и большие пальцы попадают как раз туда, куда он намеревался попасть очень давно. Не двигается. Вглядывается в темноте в мои глаза, внимательно наблюдающие за ним.

– Каков был план? – шепчу я, ставя ступню ему в пах.

– Что значит – «был»? – облизывает он губы, немного подаваясь мне навстречу. – Я ждал, пока ты проснёшься...

– Тогда что там по плану дальше?

От него разит возбуждением и азартом. И самоуверенностью, густо намешанной с наглостью. В принципе, вкусно...

– Хочу кое-что получить от тебя.

Его дыхание сбито, а пальцы скользят, размазывая по губкам моё возбуждение.

– Оооо... – тихо выдыхает он.

– Ты же не разочаруешь меня какой-нибудь банальностью? – тихо смеюсь, прогибаясь навстречу его пальцам.

– Сомневаюсь, что мне светит сегодня «банальность»! – ухмыляется Немец в ответ. – Да и компания не вдохновляет. Не люблю секс «по-тихому»...

– Тогда мне уже интересно! Говори...

– Хочу твоё... «same face»! – шепчет он, врезаясь в меня пальцами и заставляя прикрыть глаза от ощущений. – А за услугу я хочу твой настоящий, проникновенный поцелуй.

– Никакой логики! – тихо постанываю я. – Ты хочешь иметь моё «same face», чтобы использовать его для своих сексуальных фантазий, занимаясь любовью с другой женщиной, и вдогонку ты требуешь ещё и поцелуй... Так не пойдёт... Что получу я?

– Б*я-я-ять... – шипит он, жадно проходясь пальцами по моей возбуждённой плоти.

– Не отвлекайся! – уворачиваюсь от рук Немца, натягивая на бёдра футболку под его разочарованный стон. – Мы ещё не договорились.

– Ты – удовольствие! – раздражённо разводит он руками. Переведя взгляд на свои мокрые пальцы, трёт их друг о друга, тяжело сглатывая.

– Это я и без тебя получу... – фыркаю на него. – Что можешь мне предложить именно ты?

Нетерпеливо хнычет, пытаясь вернуться ко мне между ног. Шлёпаю его по рукам, не позволяя.

– Чего ты хочешь за это? – сдаётся он.

Подтягиваю футболку выше, обнажаясь перед ним.

– Ещё месяц дистанции с теми же правилами.

Застонав, падает лицом на мой голый живот.

– НУ ПОЧЕМУ!?

– Мне так вкуснее... – сбивчиво шепчу я, подрагивая от возбуждения. – Ты безумно вкусен для меня, когда не можешь ничего себе позволить. Мы договорились?

– Сучка... – укус. – Дря-я-янь... – ещё укус. – Садистка!

– Да-а-а?...

– Да!! – агрессивным шёпотом.

Малыш согласен!

Я со смехом прогибаюсь навстречу его рукам. Нагло и грубовато сжимает меня снизу. Чтобы не разбудить несдержанными воплями спящих, я прикусываю свои пальцы. Чувствую, как это срывает его тормоза и, облизывая мой живот, он двигается губами вниз.

Перехватываю его, тормозя эту попытку.

– Только пальчики!

– Какого хрена? – психует он, сжимая меня сильнее. – Я же хочу!

– Вот именно поэтому... – хихикаю возбуждённо. – Сегодня кайфуют только девочки. А мальчикам достаётся «same face» для грязных фантазий!

– Ненавижу тебя! – стонет он.

Как вкусно!!!

Его пальцы не идеальны – нетерпеливы, агрессивны и не так умелы, как у Аронова, но его эмоции компенсируют несовершенства. И я на грани уже через пару минут. Внизу живота горячо, и сладкое онемение течёт по телу, поднимая меня выше и выше... Желая заплатить за удовольствие сполна, я приподнимаюсь и обхватываю его одной рукой за шею. Мы встречаемся горячими взглядами.

– Запоминай... – шепчу, задыхаясь от наслаждения. И очень стараюсь не закрывать глаз и не быть слишком громкой, открывая рот в немом крике удовольствия. Меня выгибает, и я расслабляюсь, но он не позволяет упасть на подушку, перехватывая меня за талию и впечатывая в свои жадные губы.

– О*уенно... – шепчет между несдержанными укусами. – Давай ещё?... Я, б*ть, сам сейчас кончу!

Расслабляясь, втягиваю его в чувственный поцелуй. Так и быть...

– Быть может, через месяц...

– Какая же ты умопомрачительная сучка!

– Это того стоило? – заглядываю в его перевозбуждённые глаза.

Молча кивает.

– До встречи через месяц, котёнок. Было неплохо... Но тебе есть над чем работать.

– Вот прямо сегодня и займусь! – психует он, вставая с кресла и натягивая свитер.

– Дверь захлопни за собой, – отрубаясь я.

Теперь я сыта...

Глава 1 – Пиры на горизонтах (часть 4)

Семьсот двенадцатый: Занята?

Маньячка: Да.

Семьсот двенадцатый: Настолько, что не можешь уделить мне полчаса пятый день подряд?

Маньячка: Я пока никому не хочу уделять «полчаса».

Семьсот двенадцатый: А чем, по-твоему, должен быть занят я, пока ты «не хочешь»?

Маньячка: Подвези ещё одну «маньячку».

Семьсот двенадцатый: К сожалению, маньячки – редкий вид. На дорогах не валяются.

Маньячка: Тогда – жди.

Семьсот двенадцатый: Жень, у тебя что-то случилось?

Маньячка: Вот только не надо «заботы». «Перфоратор» впечатляет меня больше. Я напишу тебе сразу, как только мне захочется. Договорились?

Семьсот двенадцатый: Какое странное ощущение. Ты же не динамишь меня?

Маньячка: Нет. Я планирую воспользоваться твоим перфоратором. Как только у меня возникнут желание и возможность.

Семьсот двенадцатый: Я – консерва?

Маньячка: Вкусная консерва! Да. Лежи мирно на полке. Придёт время, и я тебя съем.

Семьсот двенадцатый: Ну не знаю...

Отключаю переписки.

В пачке последняя сигарета. Я зачатила что-то, да. Достāju, снимаю перчатки, щёлкаю зажигалкой. Поднимаю голову: в окнах Крис свет, мелькают силуэты. Рядом с подъездом тачка Лёхи. Идти или нет? Крис расстроится, если я не приду.

Но идти не хочется...

В наушниках играет «Флёр»:

*Она плавает в формалине
Несовершенство линий
Двигается постепенно
У меня её лицо, её имя
Свитер такой же синий
Никто не заметил подмены...*

Ладно!! Только ради тебя, пламенная моя!

Дверь открывает Лёха. Прикасаюсь лёгким поцелуем к его губам. Напрягается. Как и всегда в последнее время. Я знаю, почему...

– Так... Я смотрю, тебя стали смущать мои приветствия.

– В щёку, мне кажется, достаточно, нет? – улыбается он.

– Не хочешь объяснить, почему тебя это вдруг стало так напрягать?

– Не хочу.

– Тогда я сама. Мы расстались с Олегом, он уехал. И теперь ты думаешь, что мы с Крис попытаемся втянуть тебя на его место, потому что обе хотим подобного тройничка. Ты не готов заполнить эту вакансию. Тут много причин, начиная от дружбы с Олегом, заканчивая страхом ещё сильнее развратить Крис. И если раньше ты воспринимал мои поцелуи как приятные шалости, теперь ты видишь в них попытку втянуть тебя в треугольник. А так как очевидно, что тебя это возбуждает, боишься не вынести нашего натиска и сдаться. Так?

– Так, – морщится он.

– Я не осуждаю, Лёш. Ты имеешь право оставаться собой, я уважаю тебя за это. Но хочу вернуть нам нашу лёгкость. На месте Аронова не будет никого. И мои поцелуи ровно то же самое, что и было – приятная шалость! Не защищайся от меня, я не нападаю.

Целую его ещё раз. В этот раз отвечает уже спокойным поцелуем.

Тяжело вздыхает, помогая мне раздеться. Недовольно смотрит. Пауза затягивается...

– Какого хе*а ты не остановила его, а? Ты, б*ять, такая нереально мудрая, когда не надо, и так натупила, когда от тебя требовалось одно только слово! Аронов... Зачем он это с вами?..

– Не смей его осуждать, – закрываю тему.

Внутри тяжелеет. Вот поэтому и не хотела идти.

Эта тема в компании вдруг резко накалилась. Все ожидали, что Олег одумается и вернётся. Но он не сделал этого. И всем совершенно по-разному сорвал башню этот его поступок.

Натягиваю улыбку, чтобы не расстраивать их ещё сильнее. Целую в губы красивую Крис.

– С днём рождения, любимая! – отдаю в руки подарок в коробочке и шепчу: – Открывай одна...

Присаживаюсь на диван между Костей и Чеширским. По очереди целую их, прижимаясь к моему горячему Коту, чтобы отогреться после мороза.

– Почему очередь никогда не доходит до меня? – возмущённо предъявляет Вецкий, наливая мне шампанского.

– Потому что ты, Вецкий, заинтересованное лицо! – улыбаюсь ему.

– Можно подумать, Ожников – незаинтересованное! – фыркает он в ответ.

Чеширский сжимает меня крепче и набирает в грудь побольше воздуха, чтобы парировать эти инсинуации, но я опережаю:

– Есть такая игра, Вецкий, «Смотри, но не трогай... трогай, но не пробуй... пробуй, но не глотай...» – играю ему бровями. – Ожникову в кайф в неё играть, тебе – нет.

Вецкий зависает, хмуро разглядывая что-то в своём бокале.

Вернувшись в комнату, Лёха отдаёт мне горячий чай.

– Извини, – одними губами.

Согревшись, дотягиваюсь до пакета с подарками.

– Так как на Старый новый год я вас продинамила...

Раздаривая маленькие презенты, развлекаю народ, придумывая на ходу всякий забавный стёб «почему именно это», пока очередь не доходит до Гоши. Ухмыляясь, достаю очередную коробочку.

– Ничего не приму... – качает он головой и больше не улыбается.

Вецкий созрел до разговора... Аронова больше нет. И ему этот факт снёс башню по-своему.

– Только наедине, Жень, – подтверждает он мои догадки.

Напрягаюсь, чтобы встать, но Ожников придерживает меня.

– Гоша, ты попутал... – в интонациях всегда мирного и весёлого Чеширского наезд.

Вецкий простреливает его взглядом, принимая этот вызов.

– А тебя Аронов как няньку оставил? – злая усмешка.

Ожников начинает вставать.

– Пойдём? – кивает ему в коридор. – Я тебе отчитаюсь.

Глаза Крис шокированно распахиваются. Лёха недовольно морщится, качая осуждающе головой. Не хватало нам ещё разборок!

– Всё нормально, – торможу я своего Кота. – Это всего лишь разговор.

Освободившись от рук Ожникова, беру подарок и иду за Гошей на лоджию. Достает сигарету, прикуривает. Задумчиво крутит пачку в руках и, словно очнувшись, предлагает мне тоже. Мне хочется?

Да.

Забираю из его губ сигарету, не люблю прикуривать сама. На секунду накатывает воспоминание, как забирала так сигарету у Олега. Но Гошина совсем другая. И, сделав пару затяжек, тушу её в пепельнице. Гоша не Олег.

– Говори...

– Аронов уехал...

– Спасибо, что просветил! – фыркаю я.

– Перестань... – вздыхает он. – Поговори со мной хоть раз нормально, без всей этой дрочки.

– Тебя же возбуждает!

– Не спорю. Но... Это не всё, чего бы мне хотелось.

– Это плохая тема.

– Плохая, хорошая – мне по*уй, Жень!

Вполне себе вкусный в такой своей решимости и лёгком цинизме. Под ними плещется что-то горячее...

Подхватив меня за талию, впечатывает в себя.

Чёрт! Нас хорошо видно в комнате. Ожников сейчас сорвётся, и будет конфликт! Он чувствует себя нянкой, да.

Но Вецкому, и правда, сейчас по*уй. Его губы тормозят в сантиметре от моих.

– Жень...

– Ничего не будет... – пожимаю я плечами, накрывая ладонью его приближающиеся губы. Уворачивается.

– Почему?

– Давай озвучу для начала формальную – я несовершеннолетняя.

– Но и не малолетняя. Аронов же как-то вывез?

– Вывез, не вывез... – вздыхаю я. – Это не обсуждается.

– Он же как-то решал этот вопрос. Я готов рискнуть и вписаться в эту историю.

– Б*ять, Гош... – психую я. – Тогда причина истинная: не вставляешь ты меня после него. Прости... Тормози давай. Не хочу рушить нашу компанию. Это тебе...

Отдаю в руки подарок. На секунду обнимаю. Выхожу...

Глава 2 – Полегче на поворотах

«Любовь моя, дай патроны...»

Присев на край бильярдного стола, Крис натирает кончик кия мелком. Мои навыки игры пока оставляют желать лучшего. Но это ничего. Мне нравится процесс обучения...

– Иди сюда, – показывает мне глазами на торец стола. – Попробуй выбить карамболь, – указывает на два стоящих параллельно шара. – Дальний – в боковую лузу.

Нереально...

Я вздыхаю, но, шагнув ближе к ней, послушно нагибаюсь над столом и прицеливаюсь по указанной траектории. Крис наклоняется надо мной, правя позу, прицел и сильнее сжимая мою опорную кисть.

– Сконцентрируйся, детка... – шепчет она. – Ты слишком расслаблена. И для стимула... Промахнёшься – накажу!

Её рука скользит по моему бедру, сжимая его высоко под юбкой.

Ммм... Какая интересная игра! Только вот как теперь попасть по шару? Тело предательски плавится под её руками.

– А если попадёшь, получишь небольшое поощрение, – мурлычет она мне в ушко.

Отстраняется.

Мой прицел снова сбивается.

– Ноги раздвинь чуть шире, – шлепок по внутренней стороне бедра. – Здесь сильнее прогнись... Сильнее! – шлепок по пояснице. – Вот так.

Стягивает мою юбочку чуть ниже, оголяя поясницу с ниточками высоких стрингов, кладёт мне туда ледяной бильярдный шар.

Тяжёлый...

– Не вздумай уронить. Выпорю...

– Мяу... – игриво бросаю на неё искоса взгляд, послушно замерев в нужной позе.

Не знаю, чего мне хочется больше – поощрения или быть отшлёпанной. В эту игру я хочу поиграть тоже!

Видок сзади наверняка тот ещё! Я чувствую, как меня омывает чья-то похоть.

– Чьи вы, девочки? – незнакомый мужской голос подтверждает мои догадки о наблюдателях.

В принципе, в баре не людно – пара и компания мужчин. Вспоминаю всех потенциальных владельцев «голоса». Это мужчина из той компании, хорошо уже подвыпившей.

– Мы божьи твари, добрый человек! – язвительно отшивает его Крис. – Иди с миром...

Её рука слегка сжимает моё плечо, напоминая мне о карамболе. Фокусируюсь...

– Иди, говорю... – тон Крис становится чуть агрессивнее.

– Какой дерзкий язычок! Может, поучить тебя использовать его по назначению?

– Так, что ли? – хмыкает Крис с вызовом, и я чувствую, как её горячий язык двигается по моей пояснице рядом с холодным шаром.

Эта игра мне нравится тоже, и я возбуждённо хихикаю.

– Замри! – властно кладёт на меня руку Крис, и меня омывает передозом похоти.

Это уже не может быть один мужчина...

Бармен смотрит мне в глаза, спрашивая взглядом, нужна ли помощь. Он хорошо знает нас, мы с ней периодически играем тут. Пожимаю плечами, бросая взгляд на Крис. Шар на пояснице покачивается и я снова замираю.

– Бей.

Прицелившись, я делаю то, что приказано. Но её язык напрочь сбил мой прицел, и я мажу.

– Плохая девочка... – Крис ловко ловит скатившийся с моей поясницы шар.

Разворачиваюсь.

– Придётся тебя наказать! – перехватывает она за подбородок моё лицо.

Видимо решив, что в одиночку их резидент не справился с партзаданием, к нам подваливает вся компания, впечатлившись мизансценой.

Что-то нестройно проямлив на уровне скабрёзных комплиментов, они встают так, что мы с Крис оказываемся в ловушке.

– Что за оккупация? – раздражённо разворачивается к ним Крис. – Не видите – девочки отдыхают?!

– Такая послушная у тебя подружка... – хмыкает один из них. – Может, как-нибудь договоримся?

– Своё «как-нибудь»строишь «где-нибудь»! – Крис немножко пьяна, и её хваленая дипломатия даёт явные сбои. – Это МОЯ «подружка».

Ей азартно... И чтобы накормить её повкуснее, я присаживаюсь на край стола, немного разведя бёдра. С вызовом смотрю на мужчин.

Я её «подружка», да!

– Иди ко мне, «подружка», – подмигивает мне высокий брюнет. – Я могу засунуть в тебя кое-что внушительное, чего нет у твоей подружки.

– В друзей засунь! – ухмыляюсь. – Смотри, как им хочется.

Большой опасности я не чувствую, они не выглядят беспредельно, от них не сочится знакомая мне энергия власти. Просто пьяные... И теперь – разъярённые от моей дерзости.

Нахально улыбаюсь.

И они звереют...

– Эй, ребята! – окрикает их бармен. – Давайте-ка успокоимся!

– Сейчас пару сучек воспитаем и обязательно успокоимся! – отшивает его брюнет.

Сжимаю в руке кий. Охранники в другом зале... Но рано или поздно всё равно среагируют.

– Держи дистанцию! – Крис перехватывает свой кий посередине и резко, но несильно вытывает в живот брюнету.

Он оскаливается на неё, и я слетаю со стола, перехватывая свой кий поудобнее. От адреналина кружит голову.

– Что за беспредел?! – врывается к нам Лёха, расталкивая мужиков в стороны.

Вообще, он должен был заехать за нами через пару часов, но, видимо, освободился раньше и решил составить компанию.

Моментально определив более понятного для себя противника, мужики разворачиваются к нему.

А мы с Крис тут же повисаем на нём с двух сторон. Ещё не хватало ему встрять из-за наших развлечений!

Крис с ухмылочкой вытягивает из его нагрудного красные корочки и показательно взмахивает ими:

– Свободны!

Бросив пару едва слышных оскорблений в нашу сторону, компания ретируется за свой столик.

– Маленькая идиотка! – разворачивается ко мне разъярённый Лёха. – Ради своих беспредельных развлечений кого угодно готова подставить!

Что?... Хлопаю на него глазами. С неприятным саднящим ощущением в груди понимаю, что невольно вынудила его принять участие в этой ситуации. Отстранившись, делаю шаг назад.

– Извини, пожалуйста, Лёш... – мне становится нехорошо, и я тру горло, пытаюсь притормозить приступ накатившей тошноты.

– Какого чёрта ты извиняешься перед ним?! – возмущённо взрывается Крис. – Ты же ни при чём!

Но мне уже так плохо от всей этой ситуации, что я с трудом осознаю, что она говорит. Чертовски тошно от того, что он встрял за меня. За Крис, на самом деле. Но и за меня тоже.

Б*ять... Как неприятно!

Лёха тут же остывает, внимательно всматриваясь в моё лицо. Но ядерный распад внутри меня уже запущен.

– Езжайте домой, я остаюсь.

– Ты не останешься тут! – прищуривается Крис, бросая взгляд на ту компанию.

А мне просто крайне необходимо стереть с себя Лёхино участие! И опасность выяснения отношений с этими мужиками даже рядом не стояла с тошнотворным чувством от понимания, что он вынужден был заступиться за меня только в силу того, что я оказалась рядом с Крис.

А ведь я не просила его об этом!!

Зачем он скормил мне своё одолжение?!

– Вы уезжаете, я остаюсь, – отрезаю я.

Крис сносит, она переводит на Лёху возмущённый взгляд.

– Что за бред?! – взрывается тот.

Крис толкает его в грудь.

– Ты уезжаешь, мы остаёмся.

Нет, теперь это тоже мне не вкусно!

– Увидимся, любимая! – нервно улыбнувшись ей, я сбегаю в соседний зал, подхватив свою сумочку.

Мне нужно избавиться сейчас от них обоих. Почему? Не знаю. Просто чувствую так.

Догнав в проходе, Лёха ловит меня за руку и разворачивает к себе.

– Если я извинюсь, ты прекратишь?

– Не трогай!! – выдёргиваю руку.

Всё... Ему не надо было...

В ушах шумит.

– Не выношу, когда ко мне прикасаются посторонние!

Он что-то быстро и эмоционально говорит мне, но я ничего не слышу. В голове звенит.

Какого чёрта он удерживает меня?!

– Просто, б*ять, УЕЗЖАЙТЕ!

– Да как же я тебя брошу!? – расстроено и безнадёжно качает он головой.

Прокручивая в голове все наши с ним тёплые моменты, я пытаюсь восстановить внутри себя правильное к нему отношение.

Это Демченко... Демченко... Он хороший... Он замечательный...

Уговариваю себя, но, б*ять, моё нутро отказывается принимать его, и всё!

Закрываю глаза.

Лёха.

Открываю.

– Со мной всё будет хорошо, – через силу улыбаюсь ему. – Мне не нужна твоя опека. У тебя нет таких обязанностей передо мной. Меня просто слегка тошнит от того, что ты был ВЫНУЖДЕН.

– Женечка! – срывает его на эмоции. – Да я просто испугался за вас!

– Ты должен пугаться только за Крис. Мы с тобой никто друг другу, – говорить это больно, но мне необходимо разорвать нашу связь, чтобы избавиться от тошноты.

– Зачем ты так говоришь?! Зачем ты это делаешь?

– Потому, что мне это не нужно, Лёш! – делаю я шаг от него. – Мне не нужна защита, за которую потом попрекают. Оставаясь здесь, вот в той славной компании, – киваю на столик с нашими новыми знакомыми, – я просто не принимаю то, что ты мне дал и за что потом попрекнул. Это моё право на свободу. Не хочу ничего от тебя больше. У тебя больше нет права заботы обо мне. Я вывезу свои провокации сама!

– Ты ведёшь себя сейчас, как ребёнок!

– Я ребёнок потому, что не хочу закрывать глаза на некрасивые детали? И потому, что слишком принципиальна, чтобы ради собственной безопасности спустить на тормозах вынужденные одолжения?

Нужно остановиться, но я не в состоянии.

– Окей, я ребёнок! А ты, б*ять, взрослый! Тебе налево, мне направо. Увези и успокой Крис, пожалуйста. Давай...

Пытаюсь увернуться от его рук, но он опять перехватывает.

– Аронов! – психует он. – Сволочь! Подставил меня! Как мне, б*ять, справляться теперь с вами?!

Не хочу ничего слышать!! Рывком отворачиваюсь. Ловит, обнимает за плечи и прижимает к себе, игнорируя мои настойчивые попытки освободиться.

– Хватит!! – зло. – Слушай меня... Я не знаю, что за хе*ня у вас там случилась, и кто виноват. Я просто испугался за Крис и за тебя. И мне хочется сейчас сказать, что это – услуга Аронову, потому что он не раз прикрывал Крис, когда меня не было рядом, но... Дело не в нём. И мы – не чужие! И не надо, б*ять, выносить мне мозг! Я нихе*а не соображаю в ваших играх разума! Я не знаю, чего ты там понапридумывала, но если ты сейчас не поедешь со мной, я вызову наряд и запру тебя от греха в отделении до утра.

– Да по какому праву?!

– Я, б*ять, мент, на секундочку! – зло усмехается он. – А ты несовершеннолетняя. Поспишь в детской комнате милиции. У нас там отличные тётеньки работают!

Ни хрена он не шутит!

– Сволочь! – прищуриваюсь я гневно.

– Сволочь!? – разъярившись, он приподнимает меня и тащит на выход. – Да пожалуйста! Только я тебе не Олег, и не буду ваш с Крис беспредел прикрывать! Я, нахрен, запру вас дома и пристегну наручниками к батарее, – втыкает меня в пол перед Крис. – Может, и выпорю!

Переглянувшись с Крис, мы начинаем истерично угорать, видимо, представляя одну и ту же нереальную сцену.

– Быстро на выход! – рывкает он.

И меня вдруг парадоксально отпускает.

Это всего лишь Демченко... Подумаешь, психанул. Ладно...

Закатив глаза, мы показательно отворачиваемся и дефилируем к гардеробу.

Уже в машине Лёха немного расслабляется.

– Куда? – смотрит на нас в зеркало заднего вида.

– Нас ко мне. Ты – домой, – обняв меня крепче, распоряжается Крис. – Выпьешь вальерьяночки – и спать.

Лёха злится.

– Крис... – предупреждающе. – Ты – ко мне, малышку – к Косте или Ожникову. Хотите – езжайте ко мне обе. Но никаких больше приколов сегодня! Я устал и хочу уснуть спокойно.

– Лёша... – тоже предупреждающе. – Давай не будем. Нам надо домой.

Тихо ругаясь, он с раздражением разворачивает тачку и набирает скорость в направлении дома Крис. Подъезжая, делает резкий разворот, шлифуя асфальт колёсами, и мы с Крис влетаем друг в друга на заднем сиденье.

– Если я, б*ять, позвоню, и вас не будет дома... Клянусь вам, девочки – вызову наряд, и вы обе проведёте время в не очень приятной компании! И твой папа, Крис, лично даст мне орден за спасение ваших задниц!

Вылетев из машины, он открывает нам дверь, демонстративно помогая каждой выйти.

– Не волнуйся, милый... – улыбается ему Крис. – Мы больше никуда не собираемся. У нас ещё одна непослушная попка не наказана! – неожиданно щипает меня, и я, подпрыгнув на месте, в шоке распахиваю глаза, глядя на Лёху. – К тому же, моей девочке требуется психологическая реанимация после твоих невьё*енно заботливых речей.

Лёха моментально сдувается, притягивает меня в объятия и целует в висок.

– Ладно, проехали... – закатываю я глаза.

Демченко такой Демченко!

– Береги попку! – шепчет он мне на ушко. – Никаких на неё приключений без моего разрешения. Аронов потом с меня спросит.

– Когда – потом? – хихикаю я.

– Когда вернётся к тебе.

– Думаешь, вернётся?

– Я бы вернулся! – подмигивает мне Лёха, и, бросив хмурый взгляд на Крис, садится в машину, снова резко разворачивается и выезжает на дорогу.

Усадив меня на диван, Крис протягивает бокал с коктейлем.

Хочется расслабиться, и я беру.

– Ты только по поводу Лёхи не напрягайся, – просит Крис. – Он на самом деле к тебе очень тепло относится.

– Да поняла я уже всё про него, не парься... – отмахиваюсь я. – А как вы с ним познакомились?

Крис ложится спиной мне на грудь, мы укрываемся пледом, устраиваясь на высоких подушках поудобнее. Удерживая в одной руке бокал, второй я перебираю её красивые волнистые пряди.

– У меня папа – «настоящий полковник». Лёха под него по службе попал. Отец периодически напрягал его привезти-увезти дочь. Ну и... Мы тогда с Ожниковым тусили, тот по корпоративчикам работал. И Алексей подтянулся к нам.

– А с Ожниковым?

– Жили в одном доме. Компания была общая. Потом в армию его забрали... Там авария какая-то, с радиацией связанная... Комиссовали. Ну и...

– С радиацией? – напрягаюсь я.

– Мхм... У него рак... Только сильно не распространяйся – его напрягает. Не любит, когда жалеть начинают.

Я чувствовала, что с Чеширским что-то не так. Он всегда слегка на надрыве по отношению ко всему: к друзьям – душа нараспашку, бухать – так вдрызг, драться – так в мясо, в работу – так с головой. Деньги всё время на ветер и с таким кайфом... И ещё – никаких постоянных отношений. Принципиально. И вообще, он живёт с какой-то безудержной жадностью, пытаюсь объять всё, что только можно. Всегда смех и драйв! Теперь мне понятно его бешеное желание ЖИТЬ. Понятно и ещё более приятно!

Не буду говорить ему, что знаю. Лучше придумаю для него какой-нибудь экшен, чтобы его прокачало!

– А Костя?

– Костя позже... Уже Аронов был, и мы «Эдельвейс» замутили. Костя по работе к нам присоединился, а потом уже втянулся в тусовку.

– Как его, такого нетрадиционного, мужики приняли?

– Да как это чудо ещё принять-то можно?! С Ожниковым, правда, разок разбили друг другу морды! – смеётся Крис. – Но ничего, сейчас, как видишь, не разлей вода.

И я угораю, пытаюсь представить себе их притирания.

– Почему про Олега не спрашиваешь? – легонько дёргает меня за ушко Крис.

– Потом спрошу, когда можно будет... – съезжаю я.

– Скучаешь?

– Мхм...

– Вернётся – примешь?

– Не надо бы.

– Жень! – застывает Крис в моих руках. – Он любит тебя...

Внутри всё рвётся тянущими болезненными ощущениями, словно я на секунду позволила ему приблизиться ко мне. И словно этот вопрос задала мне не Крис, а он сам.

Я знаю, да! Любит...

Отдышавшись, добавляю:

– Вернётся – я подумаю.

Глава 3 – Передумать

Маньячка: Тук-тук...

Семьсот двенадцатый: Ну надо же! Восемь дней тишины, б**ть!!

Маньячка: Заскучал?

Семьсот двенадцатый: Сейчас, погоди, с тёлочки слезу, писать неудобно.

Обиделся зайка!

Маньячка: Не позорь меня! Закончи начатое.

Семьсот двенадцатый: Какая охреневшая девочка!

Маньячка: Десять минут у тебя. Хватит?

Семьсот двенадцатый: Тебе хватает?

Маньячка: Десять?... Для первого «фейерверка» – за глаза!

Семьсот двенадцатый: Тогда я буду очень спешить...

Серебристые леггинсы под змею, широкий кожаный ремень, каблук повыше... Глаза – тёмным серебром... А вот помада нам ни к чему! Встряхиваю светлой копной. Смотрю на себя в зеркало.

Реально, Туманова?

Ты хочешь, чтобы это случилось?

Прислушиваюсь к себе... Никак я не могу представить, что во мне окажется кто-то, кроме Аронова. И эту близость с кем-то: смотреть в глаза мужчине, когда он в тебе.

И каким бы ни был вкусеньким семьсот двенадцатый... Не знаю... не знаю...

Как это будет?

Вглядываюсь в свои глаза.

Моё тело хочет, да.

Беру в руки телефон, десять минут вышли.

Нетерпеливый звонок в дверь. Ах, ты ж мой сладенький! Примчался...

Тяжело дышит, упираясь рукой о стену.

– Ты бежал, что ли? – распахиваю на него глаза.

– В прошлый раз... – делает вдох поглубже, пытаюсь отдышаться, – я позвонил всего на пять минут позже, чем мы договорились. И ты уже передумала... Работаю над ошибками!

Был такой эпизод...

– Зачёт тебе.

Его взгляд медленно скользит, поднимаясь от моих ботильонов до плотно обтянутых бёдер. Облизывает губы. Ещё выше. Рассматривает свободную под топом грудь. Останавливается на губах... И вот мы наконец-то встречаемся взглядами.

Отдышался уже...

– Ну, слава Богу... – ухмыляется он.

– За что славим? – поднимаю я бровь.

– В какой-то момент мне показалось, что ты ещё просто мелкая. Поэтому «шаг вперёд, два назад». Но сейчас вижу – взрослая девочка!

Я должна ему сказать, сколько мне?...

Не хочу.

А хочу я...

– Поехали в клуб.

– Документы возьми.

– Ааа... нет их!

– Как это?

– Поехали.

До меня вдруг доходит, что моего паспорта реально нет! Он в сейфе у Аронова. Вместе с доверенностью. Максимум – студенческий.

Почему-то этот факт резко выбешивает меня.

Ладно, я могла по своему распи*дьяйству забыть, но ты, Олег, брал из сейфа бабки и свои документы. Не видел, что там остались мои? Только намеренно ты мог оставить их там. И это пи**ец как нечестно!

– Ты чего, Жень?

– Это не на тебя.

Накидываю куртку.

Мы спускаемся по лестнице, он искоса поглядывает на меня.

Внизу очень тусклый свет. Он аккуратно перехватывает меня за локоть, разворачивая к себе. Его губы приближаются. Замирает.

– Хочу сладкое изнасилование.

– Не сейчас... – всё ещё кипит внутри меня от выходки Аронова. – Боюсь, откушу тебе что-нибудь!

Моя верхняя губа неконтролируемо вздрагивает, обнажая в оскале зубы.

– Тогда объясняйся, чего тебя так вспенило.

– Будем считать, что мой папочка спрятал мои документы. И я только сейчас это поняла.

Молча переваривает. Хмурится.

Меня корёжит от отвращения. Сделаю новый паспорт. Ненавижу всю эту беготню с документами! Просто ненавижу! Я и первый-то свой едва пережила.

И да, возможно он приедет раньше, чем будет готов паспорт.

Набираю Крис.

Давай, Аронов, не будь сволочью!

– Привет, любимая.

– Привет, детка.

– Олег не оставил тебе случайно мой паспорт?

– Мм... нет. А...

– Ясно, – скидываю вызов.

– Жень... – затормозив на светофоре, поворачивается ко мне.

Перехватываю его за ворот, тяну на себя, агрессивно впиваюсь в губы.

– Вау... – вдыхает он глубже, но я не позволяю ему оторваться, вворачивая язык в его рот.

Мне хочется быть агрессивной, и я отрываюсь на нём. Он ловит волну, кусая в ответ мои губы. И теперь его пальцы сжимают мои волосы на затылке, не позволяя мне тормознуть.

Сзади сигналят тачки...

Со стоном отрывается от меня, давя на газ. Закусив нижнюю губу, пытается не улыбаться так уж откровенно. Но я чувствую и его эндорфины, пропитавшие весь воздух в машине, и порхающее ощущение в груди.

Нормально...

Нормально всё будет!

Паркуемся у ближайшего клуба. Басы слышны даже в машине. Вывеска мерцает цветными огнями.

– Стой, стой... – перехватывает меня, не позволяя выйти из тачки. – Один вопрос у меня.

Начинается!

– «Папочка» этот...

– Иди сюда, – снова тяну его к себе. Пытаюсь его съесть, а он со смехом уворачивается. Это раздражает! И мы, угорая, боремся в тачке. Он сдаётся...

Мы целуемся... долго, вкусно, проникновенно... пока дыхание не сбивается окончательно.

– Ладно, – шепчет он. – Давай по-другому.
– Давай.
– Я сейчас кое-что сделаю, и хочу, чтобы ты сделала то же самое. Окей?
– Давай попробуем.
– Я совершеннолетний, свободный, адекватный, здоровый. Гарантирую. Меня зовут Дмитрий. Морозов.
– Чёрт... Я должна это повторить?
– В идеале. Если это является правдой. Не обманывай меня, пожалуйста.
– Не является, – закусываю я губу.
– Та-а-ак... – напрягается он.
– Мне шестнадцать... Для начала.
По паспорту.
Его лицо застывает. Смотрит в лобовое на огни клуба...
Молчание затягивается.
– Пи**ец! – кулак раздражённо вбивается панель. – Лучше бы ты замужем была.
Не смотрит на меня.
– Нет! – сжимает он губы. – Нет.
Выжимает газ, мы едем обратно.
Да, так тоже может быть, и это нормально, – успокаиваю я себя. Ломать, как Аронова, я больше никого не собираюсь. Легко смогу. Но не буду!
Молча доезжаем до моего дома. Выхожу.
Вылетает следом.
– Постой, Жень!
Поворачиваюсь.
– Не обижайся...
Да как бы...
– Я объясню, если хочешь.
– Не хочу. Нет – так нет! – развожу руками. – Удачи тебе.
Поднимаюсь в квартиру. Не снимая куртку, сползаю по стене вниз.
Я. Хочу. В клуб.
Кручу в руках телефон.
Вызов. Семьсот двенадцатый. Скидываю.
Набираю Ожникова.
– Привет, Чеширский. Занят?
– Неа... Кинчик смотрю.
– Поехали, тусанёмся?
– Через час заеду.
Чеширский – бесперебойный! Никогда не отказывает мне.
Час...
Мне хочется полежать, а раздеваться не хочется, и я делаю пару шагов к комнате и ложусь на спину на ковёр. Закрываю глаза. Телефон в моей руке трезвонит. Отключаю.
Через несколько минут долгий звонок в дверь.
Не хочу...
Слышу, как психованно он лупит по ней.
– Жень, открой!!
Не хочу...
Звонит ещё несколько раз.
Включаю обратно телефон. Наушники...

Чувствую раздражение. Не на семьсот двенадцатого. Конечно, нет. На то, что какие-то цифры могут менять мои планы. И года два ещё будет так.

И через некоторое время...

Семьсот двенадцатый: Жень...

Семьсот двенадцатый: Женя!

Семьсот двенадцатый: Да, Женя! Я передумал...

Маньячка: Я тоже.

Семьсот двенадцатый: Извини за реакцию. Выбило. Давай ещё раз. Пожалуйста.

Маньячка: Я подумаю. Надумаю – напишу.

Семьсот двенадцатый: Я буду очень ждать. Извини...

Глава 4 – Когда всем больно

– Как-то так, – истерично посмеиваюсь, заканчивая эпопею про Семьсот двенадцатого. Крис хохочет...

– А дальше?

– А всё! – развожу я руками. – Пришлось выплюнуть, не распробовав толком.

– Так а с кем ты ночью тусовалась?

– С Чеширским...

– То-то я смотрю, он варёный опять. Детка, с завтрашнего дня опять уходим в аврал. Ты помнишь?

– Аха...

– Проконтролируй Ожникова, чтобы не бухал.

У нас грандиозный трёхчасовой показ от нескольких европейских домов моды. Потом пресс-конференция, фуршет... Телевидение... Короче, будет не вдохнуть!

– А что у тебя с документами?

– Полный абзац, – вздыхает она. – Не вовремя Олег сбежал. Не представляю, как это разгрести без штрафов и взяток. Никогда этим не занималась, всегда он. И я даже не знаю, куда бежать, связи все у него.

– Он что, не оставил тебе номера своего?

– Оставил. Но очень выразительно просил не звонить. Даже если гореть всё будет синим пламенем. И с фотостудией тоже... Одну камеру убила Полина, зонт сорван, какой-то узкоугольный объектив не могут найти. Короче... – качает она головой. – Но ты, детка, не заморачивайся пока. У тебя ещё целые сутки каникул. Оторви башку своему Семьсот двенадцатому! Расслабься.

– Думаешь?

– Что тут думать? Хотя бы в качестве разовой акции, чтобы понимать разницу.

– Я правильно понимаю, что это твой реверанс Аронову?

– Ну... – хитро прищуривается. – Иногда чтобы оценить одного мужчину, нужно попробовать другого. Я хочу, чтобы ты оценила. И когда он вернётся к твоим ногам, сомнений у тебя не возникло.

– А если я не хочу оценивать? Если я просто хочу...

Чего я хочу, не могу сформулировать даже себе.

– Чего?

– В моём мире солнечное затмение, Крис. Я хочу побесноваться. Моё солнце больше не вызывает ожогов, и мои бесы хотят на свободу.

– Отпусти... Но в рамках разумного, малышка! Чтобы мы потом тебя днём с фонарями не искали.

– Я подумаю.

Выхожу от неё, набираю Семьсот двенадцатого. Прижимаю телефон плечом к уху.

Завариваю Ожникову ромашковый чай с мятой. Несу. Желудок у него опять... И вспоминаю, как вздыхал Олег на мои попытки полечить его боли травками. Рак желудка?..

– Женя? – слышу в трубке голос Димы.

Нет, нет... Семьсот двенадцатого!

– Привет.

– Привет...

В кабинете Чеширского пусто. Оставляю кружку с чаем у него на столе. Забираю с собой его чашку с крепким кофе.

– Ну что там у тебя? Опять душевные метания, моральные принципы, переживания? Или ты закрываешь глаза на все нюансы, выхватываешь часа на три маньячку, секс и рок-н-ролл?

Мой телефон пиликает. Сейчас отключится!

– А почему всего лишь на три?

– У меня нет времени на торги. Три.

– Окей!

– Сейчас скину адрес, заberi меня через час. Будь вкусным, не слишком сладким, с минимальной дозой ванили, немного красного перца приветствуется. Я голодна...

Отключаюсь, скидываю ему адрес, захожу по дороге к Томилину.

Он гримирует Лору. У неё сегодня фотосет.

– Привет.

Падаю в соседнее кресло.

– Привет, детка. Носик попудрить?

Костя, как всегда, безупречно отшлифован. И мне на секунду даже становится стыдно за собственную помятость. Но спали мы с Ожниковым всего три часа и у него... И косметички у меня с собой не оказалось, чтобы хоть как-то заретушировать наши ночные гульки.

– Да! Через час я должна быть красоткой. Сделаешь?

– Тяжёлый мейк? Для фотосъёмки?

– Нет, максимально лёгкий. Чтобы естественно, но ярко и вкусно.

– Я сегодня в вебинаре участвовал, кстати. По новым тенденциям применения блеска. Вот на тебе и опробуем. Умывайся...

Ставит передо мной тоник и ватные диски. Отпускает Лору.

Под глаза – лепесточки с какой-то штукой, похожей на пудру.

– Что это? – размазываю по пальцам. Эта штука всегда мгновенно снимает любые отёки под глазами.

– Это секретный компонент. Никто не должен знать!

– Ну, Кость!!

– Скажу по секрету. Но ты не должна никому распространяться.

– Я – могила!

– Это свечи. Анальные. От геморроя.

– Чего?..

– Там есть лимфодренажный препарат быстрого действия. Он очень быстро отводит лишнюю межклеточную жидкость в лимфоузлы. И если покупать аналог в косметологии, выходит в двести-триста раз дороже, чем при покупке этих свечей. Так как есть он только в одном очень дорогом бренде. А эффект аналогичный. Зачем переплачивать?

– Ну да... – хихикаю я. – Отличное средство!

– Вуаля! – снимает он лепестки.

Под глазами всё идеально!

– Ты со своим не помирился?

– И не собираюсь.

– А что произошло-то?

– А как в старом анекдоте... Мужчины нетрадиционной ориентации делятся на две категории: геи и пидо*асы... Так вот он не гей.

– Аааа... – начинаю угорать. – Костя, я тебя люблю!

– Не улыбайся... – обводит мои губы.

– Не могу...

– Не болтай!

Через полчаса от лёгкой помятости не остаётся и следа.

Костя проходится по моим волосам горячим утюжком, придавая объём какой-то сухой бесцветной пудрой.

Надеюсь, хотя бы это не анальные свечи!

– Вау... – смотрю на себя в зеркало. – Нереальные вещи умеешь ты делать с девочками!

– Ты идеальная модель. На тебе можно нарисовать абсолютно всё. У тебя такая плотная, ровная кожа, что тебе не страшны никакие оттенки – ни тёплые, ни холодные. Она просто их не отражает.

Отпускает меня.

– Всё, беги, сноси башни мужикам. Приятно участвовать в этом хотя бы косвенно!

Отправляю ему воздушный поцелуй.

Крис у охранников ставит всё на сигнализацию, мы её ждём. Ожников больше не хмурится от боли. Лёха ждет Крис, это значит, что они опять помирились. А меня ждёт сегодня что-то новое, и настроение просто «вау»! Я себя отпускаю в это плавание! И чёрт с ним, пусть будет Дмитрий Морозов, а не Семьсот двенадцатый.

Вылетаем весёлой кучкой из здания.

Целую на прощание Крис, Ожников дёргает меня за край куртки.

– А обниматься?

Повисаю на пару секунд у него на шее.

– Кофе не пей...

– А водку можно?

– Без меня – нет!

– Завтра стартуем! – напоминает всем Крис.

Разворачиваюсь, выхватывая взглядом своего Семьсот двенадцатого под светом фонаря.

И, запахивая на ходу куртку, ускоряюсь в его сторону. Ветер бьёт в лицо...

С каждым моим шагом порхающее ощущение в груди, которое он выдал мне после поцелуев, нарастает, смешиваясь с предвкушением более серьёзных блюд.

Это хорошо...

Он достаёт огромный букет роз с заднего сиденья.

Ооо... Надеюсь, это последняя щепотка ванили в предстоящий вечер!

Забираю и влетаю в объятия Димы.

На холодном ветру его горячие губы прекрасны! Закрыв глаза, я растворяюсь в его желаниях, кипении, порхании...

Да, да, да!!!

Его пальцы сжимают мою попку так требовательно, что бёдра почти мгновенно сводит от возбуждения. Через свои брючки чувствую, как упирается мне в живот его член.

Мне любопытно... Какой он будет? Главное, чтобы не больше, чем у Аронова!

– Добрый вечер, Женечка!

В голове – короткое замыкание. Наши губы притормаживают.

Внутренности тут же сжимаются в комок.

Медленно разворачиваюсь в Диминых руках, расцепляю их.

– Олег?..

Я не узнаю его глаза. Обычно спокойные... Сейчас из них фонтанирует ядом!

– Новая помада... – стирает большим пальцем остатки помады с моих губ.

В моей пустой голове продолжает щёлкать холостыми.

– Новая игрушка... – кивает на Димку.

Я чувствую, как он ожесточается, словно увеличиваясь в размерах и закрывая собою свет.

Затмение не только в моём мире.

– Как развлеклась, детка? Расскажешь? – губы изгибаются в жестокой ухмылке. – Все горячие подробности, м? Соскучился по твоим сказкам.

Чего происходит, вообще? Что он несёт?

– Олег...

Чувствую, как меня зажимает между ними в сильных, ревнивых, болезненных чувствах. И они нарастают, нарастают, нарастают!! Лёгкие сдавливают! Меня раздавит сейчас!

– Поехали домой, Женечка, – прорывает вдруг из него совсем другое... Наше, глубокое, болезненное. – Я очень устал и соскучился. Не могу больше...

Окончательно вылетаю в прострацию.

Я, бл*ть, сплю? Это кошмар?

– Жень, это что за чёрт? – оживает Дима, напоминая мне, что происходящее реально.

Это не чёрт, Димочка, это демон!

В мгновение ока я оказываюсь в руках Аронова, пролетев мимо рук Димы.

– Не надо трогать... Это – моя женщина.

Его губы касаются моего виска, и Димка смотрит на это, охреневая.

Нет, нет... Погодите-ка!

Толкаю Аронова в грудь, но он словно не чувствует. Его мышцы как канаты. Он оттягивает меня в сторону, чтобы я не стояла между ними двумя.

– Всё, что ей было можно, она тебе уже дала.

И возможно первый раз в жизни я чувствую себя фигурой на шахматной доске. Это партия Аронова, да!

Охреневаю, пытаюсь поймать его взгляд.

Нет, реально? Реально?! Ты осознанно двигаешь мной сейчас, чтобы срубить ему голову?! Ну, конечно! Тут без вариантов!

Из моих рук вываливается букет.

– Жень? – я чувствую, как тормозная моего Семьсот двенадцатого начинает подтекать. – Объяснишь?

Сейчас будет пи**ец!

– Ты что делаешь? – взрываюсь я, хватая Аронова за ворот куртки.

– Что такое? – ухмыляется он мне зло. – Он был не в курсе? «Ой!»

А-А-АХ ты... Шар возмущения и гнева внутри меня раздувается так, что...

Сейчас, бл*ть, никто здесь не выживет!

Аронов улыбается. Чуть заметно. Агрессивно, зло. В воздухе витает мандраж. И я бы не стала сейчас делать ставок на то, кто кому первый даст в морду!

Потому что мне кажется – это буду я!

– Такой взгляд у тебя горячий, моя девочка... – нервно, но азартно усмехается он. – Соскучилась? Поехали...

Сволочь! Хрен ты меня сдвинешь на следующую клетку.

– Дим, – перевожу взгляд на обтекающего Морозова и отрицательно качаю ему головой.

– Правильно, Женечка, извинись перед парнем. И впредь предупреждай игрушек, что они только игрушки.

Димкины глаза закрываются на секунду, я чувствую взрыв.

Да, сказанное наложилось на мои перлы. И картина сильно искажена.

Молодец, Аронов! Хорошо рисуешь! Даже вслепую!

Я чувствую, как внутри себя Димка разносит сейчас всё вокруг! Он открывает глаза, в них... Не на меня он смотрит. Мне адекватно врезать в ответ он не может! И...

Поубивают сейчас друг друга. Мне кажется, Аронов прямо жаждет, чтобы тот сорвался.

Димка переводит взгляд на меня и гаснет.

Всё. Тут ничего сделать уже нельзя и не надо.

Но бл*ть, зачем так?! Кто дал тебе такое право?!

Я разворачиваюсь к Аронову.

Ты бросил это право мне в лицо, укатив на своё море! А теперь... играешь в моих любимых котят без спроса? Топишь насмерть?!

– Сволочь! – нервно усмехаюсь я.

Это ж надо! Так нагло... Не могу поверить в происходящее.

– Да, моя девочка... – кивает он, расслабляясь.

Шар внутри меня тоже взрывается.

– Зараза! – впечатываю кулак ему в грудь.

– Ещё, детка... Ты такая горячая, когда злишься.

– Ты посмел... – оскаливаюсь я на него и размахиваюсь, чтобы стереть с его лица эту циничную усмешку.

Отклонившись, он перехватывает мою руку, рывком прижимая к себе, и шепчет:

– Тише. Тише, Женечка... Прости меня. Я ездил один. Очень скучал. Сходил с ума. Мне больно сейчас... Очень! Пожалуйста...

Я не понимаю, что он говорит. Слова понимаю, смысл – нет!

Вывраться из его рук не получается. Истерично дышу.

– Как ты посмел?! – сглатываю я. – Как ты мог так...

– Я во всём неправ. И в этом тоже неправ. Но я не отдам тебя никому. Посмотри на меня...

Он держит моё лицо ладонями.

Не хочу!!!

И мои коготки впиваются в них, пытаюсь оторвать. Я чувствую, как прорисовываю борозды на его коже.

Не отпускает.

– Смотри на меня... Женя... Тише...

И я смотрю в эти до боли родные глаза.

– Не злись... Женечка... Девочка... Это же я...

Его губы замирают на моём лице.

Силы вдруг резко покидают меня. Живот начинает наполнять такой знакомый болевой спазм, отдающий болезненной пульсацией в грудь.

Больно... Очень... Ему...

– Я люблю тебя... – шепчет он.

И мне. Очень. Больно.

Я перестаю дёргаться, парализованная этим чувством.

– Поехали домой... – и в этом столько всего, сказанного им, но не услышанного мной.

И я дышу глубже, переваривая всё то, что он сказал мне выше. Мне больше не хочется по нему бить. Мой котёнок уже всё равно захлебнулся. Я никак не могу договориться с собой, кто виноват в этом.

– Поехали домой...

– Поехали...

Глава 5 – Владеть

Сделав вдох поглубже, сажусь в машину на переднее сиденье.

А он не спешит, доставая сигареты. Прикуривает, присаживаясь на капот. Я вижу, как дрожат его пальцы. И это единственное, что выдает его состояние. Потому что даже эмоционально он не то что закрыт – он запечатан в свинцовый саркофаг. И даже мой эмпат-рентген не может пробить эту броню.

Ни Семьсот двенадцатого, ни его тачки на стоянке уже нет. Уехал. И это правильный выбор. По-другому вряд ли мы разрушили бы эту ситуацию. Я испытываю облегчение, что он не сорвался, и не было никакой жести. Аронов провоцировал... К счастью, сорвалась только я. Больше от неожиданности.

Офигеть.

Аронов...

Один ты ездил?

Осмысливаю его слова. И что? Это даёт тебе право поступать так, как ты сделал сейчас?

Но внутри я почему-то чувствую, что даёт. Не по отношению к Семьсот двенадцатому. Нет! По отношению ко мне. Как интересно... Что это значит? Что он всё ещё мой мужчина? Или подождите... Я – его женщина?

А как его женщина я могу несколько раз врезать ему по лицу за то, что он устроил, или это перебор?

Ветер вдруг стихает. Начинают кружиться редкие снежинки.

Его перекур затягивается. Сигарета просто тлеет в пальцах.

Включаю на панели радио. С раздражением слегка нажимаю на клаксон.

Выбрасывает сигарету. Садится рядом. Мы молчим. Снег становится гуще. Он навевает мне почему-то ту ночь, когда он забирал меня из Заельцовского, как мы молча ехали до моего дома и как потом, все в снегу, горячо целовались на капоте тачки. По радио играет какая-то старая-старая песня.

Мы одновременно сосредотачиваемся на припеве, встречаясь глазами.

*А помнишь наш вечер, и белый снег
Ложился на плечи тебе и мне,
Шел первый и теплый снег декабря,
Тогда я не знал, какая ты...*

– Дрянь! – вслух с эмоцией повторяет он конец текста.

Нормально!

– То есть, я дрянь, да? Окей. Как пожелаете! Но у меня есть что сказать.

– Скажи.

– Не надо скидывать моих зайцев с качелей, на которых я их раскачиваю! – рявкаю я. – Когда сочту нужным, ссажу их сама. У тебя нет права их убивать. Это право есть только у меня. Это мои зайцы!!! И я буду делать это настолько ласково, насколько способна.

– Мне показалось, что он занял моё место, и я сделал то, что должен был.

– Тебе показалось!

– Да? Тогда извини за зайца. Это инстинкты.

– Отдай мой паспорт.

– Завтра.

– Отвези меня домой.

И мы опять едем молча. Только в этот раз кипит не он, а я.

И никаких тебе поцелуев на капоте.

Паркуется.

– Жень.

Искоса смотрю на него.

– Ты что сделала со мной, м? – нервно проезжается пятернёй по волосам.

– Я не скидывала тебя с качелей, ты прыгнул сам.

– Я всё равно разбился.

– Не обессудь, но жалости не будет. После неё только брезгливость. А это поход в один конец.

Его брови возмущённо взлетают.

– Тормози, Жень.

– Качели раскачаны. Не вижу оснований притормаживать их для тех, кто не оценил удовольствия от полёта.

Да, очень хотелось врезать тебе по лицу. Получай!

Выхожу из тачки, не дожидаясь его реакции, и быстро скрываюсь в подъезде.

Захлопываю с раздражением дверь в квартиру. Не включая свет, скидываю обувь, верхнюю одежду, сажусь у стены на пол.

Как-то так...

Моё сердце колотится. Вспоминаю его дрожащие пальцы. Это просто адреналин... В его руках смущает меня другое. Напрягаюсь, вспоминая, как они лежали на руле. Там свежие проколы от игл. Именно в тех местах, в которых шила его я.

Концентрируюсь на этой картинке, и вдруг прихожу в себя. Всё слетает – эта ситуация, его побег, метания...

Звонок в дверь.

Прислушиваюсь к ощущениям. Аронов.

Встаю, открываю, не глядя в глазок, отступаю назад.

Делает шаг в квартиру, резко оказываясь очень близко. Наше дыхание синхронно сбивается. Я чувствую его запах. В темноте это во много раз острее и детальнее. Такой знакомый и уже такой непривычный за это время. Грудь накачивает этим запахом. Я чувствую себя очень жёсткой. И я чувствую его...

Как ему пьяно... неустойчиво... неконтролируемо... Наши губы в паре сантиметров друг от друга. Но он не смеет. Я чувствую это тоже.

Веду большим пальцем по его кисти, ощущаю чуть припухшие проколы.

– Да, – хриплю. – Ты воткнула их намертво. Я пытался воссоздать иллюзию твоего присутствия.

– Вниз.

Он оседает на колени очень спокойно, уверенно, красиво, без всякого пафоса и попыток торговаться.

И я словно взлетаю, наполняясь щемящей эйфорией.

Ему хорошо и спокойно, я чувствую! Он «дома».

– Владей...

Глава 6 – Лев вернулся

Мы стоим у окна, он обнимает меня сзади. Смотрим на набережную и на Обь. Это очень по-домашнему... Но я чувствую – его очень беспокоит что-то.

Рука ложится мне на лоб.

И во мне оживает какая-то ассоциация, мне хочется её выплеснуть, я расслабляюсь, позволяя это себе:

– «...*После мраморов Каррары*
Как живется вам с трухой
Гипсовой?...»

Закрывает мне рот ладонью.

– «Попытка ревности»? Красиво. Но... Я. Ездил. Один.

– Я знаю! Верю. Но это было внутри, и я отпускаю... Ты вложил в меня это. Забери обратно. Полноценной ревности не случилось. Поэтому только «попытка».

– Я сожалею... Я сожалею, что не справился со своей натурой и не сказал тебе, что еду один, когда решил так. Мне хотелось, чтобы тебе было больно.

– Ты скорпион, – пожимаю плечами. – Я принимаю твой яд.

– Спасибо. Я ценю.

Его рука возвращается на лоб.

– Ты горишь, детка.

Это реакция на стресс. У меня бывает.

– К утру пройдет. Как ты съездил? Нашёл себя?

– Как... Как только приземлился, я уже понял, что идея провальная. Но... Первую неделю пытался имитировать отпуск, – невесело усмехается. – Пляж, бар, Каппадокия... Всегда хотел побывать там – и не запомнил абсолютно ничего. Всё фоном. Не сделал ни одной фотографии. Моё сознание осталось здесь. Как и полноценное дыхание. Я задыхался без тебя, – сжимает, вдыхая глубоко-глубоко у основания моей шеи. – Вторую – провёл в номере. В жестоких боях с самим собой. То, что мне казалось невыносимым здесь, там вдруг показалось незначительным на фоне того, как ущербно я стал ощущать себя, осознавая, что ты больше не часть моей жизни. Я смотрел на женщин-туристок, женщин-турчанок... Я смотрел им в глаза. Мне казалось, что смотрю в глаза животным. Я не мог найти ни одной женщины своего вида. Ты что-то сделала с моим восприятием. «После мраморов Каррары...» Единственная, с кем смог поговорить, была пожилая француженка. Сделал это просто из удовольствия пообщаться на французском. Она оказалась интересной собеседницей. Мы проговорили полчаса, и я ушёл к себе. Французский тоже не принёс мне удовольствия. А просто поддерживать диалог не было моральных сил. На третьей неделе я начал ехать крышей. Перестал понимать, зачем затеял всё это. Зачем разорвал отношения. Не мог вспомнить свою мотивацию. Я превратился в депрессивный комок нервов. И оставался там уже больше по инерции и из упрямства довести начатое до конца. Купил себе иглы, и... Это был интересный опыт.

Тоже верю.

– Ты обещала, что «жалости не будет». Они помогли мне найти себя.

– Не будет. Я уважаю твой опыт и твою прозрачность. Итог?

– Душа ампутирована, а фантомные боли накрывают. Какой тогда смысл? Пусть уж тогда лучше будет наполненная боль. Пустота хуже боли. Не хочу жить в пустоте. Побег от самого себя не удался. Прости мне эту слабость.

– Прощаю. Но многое изменилось. Мы не можем отмотать в ту точку, в которой расстались.

– Почему? Из-за этого зайца? Кто он? Ты спишь с ним? На чём выстроены ваши отношения? – голос ровный, а дыхание нет. Я чувствую, как глубоко внутри его передёргивает. Вдыхает глубже, снимая эту дырявую маску равнодушия.

– Чёрт... нет! Не так. Мне абсолютно плевать на это всё! Я хочу тебя обратно. Скажи мне что-нибудь...

– Крис сказала: чтобы оценить одного мужчину, нужно попробовать другого. И я буду ценить тебя больше, если...

– Крис... – сжимает он зубы.

– Я не совсем с ней согласна. Ценить ещё больше я тебя не буду. Ты – безусловная ценность для меня! Я твою уникальность осознаю. Но... Ведь может быть и что-то совсем другое. И мне любопытно...

– Этот заяц возник из-за любопытства?

– И ещё от голода. Ты заморил меня голодом. Съесть кого-то более близкого я себе позволить не смогла.

– Почему?

– Потому что... понимала, что история эта краткосрочная, а я не готова потерять никого из своего окружения. Оно мне доставляет...

– Все мои вопросы по этому человеку сняты. Я тебя понял. Осталась просьба.

– Давай...

– Не реанимируй его.

– Не буду.

– Спасибо.

Голова кружится. Вижу всё словно через пелену огня. Температура растёт. Колени становятся мягкими. Он подхватывает меня на руки и уносит на диван, встаёт рядом на колени. Ложится лицом на мой голый живот. Его щёки прохладные...

Рисую пальцами по волосам, лицу.

– Я не могу без тебя...

Пальцами я чувствую, как он зажмуривается.

– Не можешь? Значит, наверное, и не надо.

Мой телефон периодически пиликает. Я знаю, кто это. Это Дима. Он не хочет, чтобы я отвечала. Это чувствую тоже. Его просто несёт, и он выливает на меня всё, что пережил сегодня. Наверняка в какой-нибудь грубой форме. Пусть... Если не выговорится, он заболеет.

Олег, хмурясь, отыскивает мой взгляд, потом смотрит на этот пиликающий телефон.

– Ты моя?

– Ты – мой. А я... Я пока погуляю, Олег.

– Погуляй, – его глаза опасно прищуриваются. – Пока. Но пощади своих зайцев, моя девочка! Лев вернулся.

– Так пусть помурлычет для меня... – я выгибаюсь, закидывая голову и подставляя ему шею.

Он принимает это приглашение, и низко рычит, впиваясь в неё губами.

Да... Вот теперь хорошо!

Глава 7 – Одарённая барышня

Олег достаёт из шкафа чистое полотенце, заглядывая на пустую полку, которая раньше была его. Пару раз он оставался у меня. И после первого привёз пакет домашних вещей, чтобы иметь возможность переодеться.

Он не выносит ходить дома в уличной одежде. Это тоже на уровне фрика, сродни некоторым остальным: не заходить к нему в кабинет в верхней одежде, например, или не есть у него в машине. Потерпеть он может, но уровень его раздражения начинает зашкаливать.

– Где мои вещи?

– Я собрала их.

– И?

– И попросила Татьяну поставить пакет тебе в кабинет. Там же книги, которые я брала у тебя. И ключи от твоей квартиры.

– Как ты заботлива! – с сарказмом. – Потерпеть до моего возвращения было нельзя? Так срочно полка понадобилась?

– Пока место не освободишь, не узнаешь, чем другим его можно занять, – вяло улыбаюсь ему. – Я решила не тянуть.

Берёт ещё одно полотенце.

– Верни всё на место, хорошо?

Закрываю глаза и теряю нить разговора. Всё плывет...

– Детка?..

– М?

Трогает мой лоб рукой.

– У тебя есть жаропонижающее?

– Я не пью таблетки.

– Включай адекватную версию, с этой, я боюсь, не договориться.

– Я не пью таблетки без острой необходимости. Так нормально?

– Лучше.

– Компрессик сделай мне.

На моей голове появляется мокрое полотенце.

Он уходит в душ, а я проваливаюсь в бредовый коматоз. Ничего критичного не чувствую. Просто меня качает, и я куда-то плыву, не в силах открыть глаза. Мимо них проплывают какие-то обрывочные видения.

Я чувствую истерику Семьсот двенадцатого. А ещё чувствую, что он пьяный. И сейчас с какой-то случайной женщиной. Он срывает свои тормоза, чтобы сравнять счёт у себя внутри. Увы, не получится. Утром будет только противнее. Откуда я это знаю? Откуда-то из другой жизни... Когда я в таком бреде, они иногда всплывают короткими, яркими эпизодами ощущений.

Несколько часов Олег периодически пытается мягко уговорить меня принять жаропонижающее. Но я не выношу лекарства и редко вижу в них смысл. Я знаю, что к утру это состояние пройдёт само. Поэтому просто лежу у него на плече с прохладным компрессом на лбу. Я не засыпаю глубоко, всё время прислушиваясь к нему – уснул или нет. Он делает то же самое, периодически трогая мой висок губами.

К утру мы кое-как вырубамся. И как только я чувствую, что его тело расслабилось полностью, тихонечко сбегаю на кресло.

Пусть поспит. Он вымотан.

Сплю ещё часа два, свернувшись на кресле. Будит меня тихий писк из сумочки, что висит в прихожей. Это будильник в телефоне.

Встаю. Вытаскиваю телефон. Там куча сообщений от Димы. Читать или нет?

С одной стороны, это будет нечестно – не выхватить от него после того, что случилось. И вся его энергия будет слита в никуда, не ударив по мне. А он старался! С другой стороны, всё, что написано там... это момент его слабости, и быть может, придя в себя, он не захочет, чтобы кто-то был свидетелем этой слабости.

И я не читаю.

Фотки...

Фотки? Ты мне тёлочка решил своих посветить, мой «адекватный»?

Открываю одну. Точно. Пьяный, обиженный дурак.

«Не разменивайся. Ты достоин большего. Всего хорошего тебе».

Сообщения оставляю непрочитанными.

Набираю в ванну воды с пеной, ложусь головой на плавающую подушечку и опять засыпаю. Просыпаюсь от того, что вода остыла.

Сегодня у нас планёрка с утра. Не в восемь, конечно, как проводил её Олег, но я всё равно не успеваю.

Выбираюсь из душа, надеваю халат, ухожу на кухню, прикрывая плотнее за собой дверь, чтобы не разбудить его.

Все сообщения с аккаунта Димы уже удалены. Протрезвел.

Ну и слава Богу!

Набираю Ожникова. Крис сегодня с раннего утра по документам, и мы должны были собраться без неё.

– Алё... – недовольно.

Судя по голосу, он проспал тоже. Олега нет, а больше никто и ничто не может поднять Ожникова раньше одиннадцати часов.

– Сань...

– М?...

– Можно, я сегодня прогуляю?

– Чой-то?

– Аронов вернулся.

– Нуславатебегосподи... – бормочет он сонно. – На колени-то хоть упал как следует?

– Сейчас выпится – упадёт.

– Ты там не выделяйся, сдавайся сразу. А то как мы работать будем? Он же сожрёт всех!

– Только ради вас! – смеюсь я.

Без Аронова на работе гораздо расслабленней, но всё, естественно, поплыло в разные стороны. И косяков накопилось немерено!

Делаю себе кофе, возвращаюсь в комнату и усаживаюсь в кресло. Тяну к себе книжку. И, иногда поглядывая на него, наслаждаюсь умиротворённостью, вдруг понимая, что натянутая струна внутри меня, возникшая с момента его отъезда, расслабляется.

Опускаю книгу, встречаясь с его взглядом. Молча пересаживаюсь к нему на диван.

Он ложится лицом на мои бёдра, обнимая за талию. Чувствую, как его тело тянет от возбуждения. Но он не пытается форсировать. Просто тихонько перебирает пальчики у меня на ноге, сжимая каждый из них по очереди.

Отбрасываю книжку. Протягиваю ему свой кофе.

Поднимается, делает глоток и отставляет чашку на столик.

По его темнеющему хищному взгляду вижу, что мой Зверь голодал. Разве можно держать такого красавца впроголодь?!

– На спину.

Послушно падает, подтягивая меня ближе. Сажусь сверху, стягивая с себя байковый пояс от халата. Он распахивается. Веду плечами, оголяя себя до талии. Натягиваю пояс в руках.

– У тебя есть презервативы?

– Есть, – облизывает нетерпеливо губы. – Ты перестала пить таблетки?

– Да.

– Я могу сделать вывод, что... – прищуривается он.

– Можешь. Но права на этот вопрос ты не имеешь.

– Я понимаю.

Наклоняюсь к его губам:

– Но я имею право на ответ. И если ты хочешь получить от меня ответ...

– Хочу.

– Попробуй...

– Пожалуйста, – сводит он брови, – позволь мне быть в курсе того, что происходит в твоей жизни.

– Так и быть! Я ни с кем не спала.

– Спасибо за ответ, – с облегчением закрывает глаза.

– Но немного пошалила! – ухмыляюсь я.

Его глаза тут же распахиваются.

– С кем?

– С Немцем.

– Сколько?

– Шестёрочка... – прикидываю я.

– Ого!

– Надо же Госпоже как-то развлекаться, пока её Нижний в метаниях. Руки... – демонстрирую ему пояс.

Послушно протягивает. Обвиваю запястья и покрепче затягиваю.

– Наверх...

Нагнувшись над ним, привязываю концы пояса к фиксатору в виде ручки, прикрученной к подлокотнику дивана с обратной стороны. Позволяет, прикусывая губами мою грудь под соском.

– Ты не хочешь задать мне встречный вопрос, Женя?

– Не хочу! – ухмыляюсь я.

– Потому, что тебе всё равно?

Задумчиво улыбаясь, слегка подпрыгиваю на его члене.

– Ну он же не сотрётся, если ты немного подвигаешь им в какой-нибудь другой женщине.

– Чертовски не вдохновляющая позиция, моя девочка!

– Почему это? Разве не что-то типа этого ты втирал Демченко?

– Туше... И всё-таки...

Его член упирается мне в ягодицы.

Мне доставляет говорить с ним на серьёзные темы, когда он так плавится от возбуждения.

Но пора накормить моего Дракона.

– Молчать! – прижимаю пальчик к его губам.

Приподнимаюсь, его член напрягается, самостоятельно отыскивая нужную точку давления.

– Какой ты ловкий...

Горячая усмешка.

Закрывая глаза, давлёю бёдрами вниз.

– Нет, – вдруг дёргается он назад. – В кармане брюк презервативы. Придётся освободить мои руки, детка.

- Нет... я буду тренироваться, пока не получится.
- Бл*ть... – хрипло смеётся он. – Боюсь кончить в процессе.
- Ммм!!!
- И их всего три.
- Я одарённая барышня, разве ты забыл?

Достаю запечатанную коробочку, срываю зубами целлофановую обёртку. Бросаю квадратик на его выраженный пресс. Похудел... И каждая мышца выделяется, как после сушки.

Усаживаюсь чуть ниже на его бёдра, разглядывая член. С выраженной головкой, толстым семенным каналом снизу, обвитый рисунком вен. Плотный, красивый... Всегда готовый к бою!

Он отрывает голову от подушки, наблюдая за мной. Встречаемся на секунду горячими взглядами. И я снова возвращаюсь к исследованиям его тела.

- Детка... – хрипло поторапливает он меня.

Натягивая к основанию крайнюю плоть, полностью обнажаю мокрую головку, она темнеет и наливается под моим взглядом.

– Я соскучилась... – наклоняюсь и делаю несколько медленных влажных поцелуев, наслаждаясь её пульсацией.

- О, нет... нет... Просто раскатай по нему резинку и сядь сверху.

- Я буду делать то, что хочу. А хочу я...

Беру его в рот поглубже. Затем отпускаю и поясняю ему:

- Научиться брать его так же глубоко, как Крис.

- Не сейча-а-а-ссс...

А я хочу именно сейчас!

Головка упирается в горло. Крис говорила, что надо дышать носом и не надо торопиться. Горло должно привыкнуть к этому ощущению. Не пуская его слишком глубоко, я рефлекторно сглатываю слюну. Головка не даёт моему горлу закрыться полностью. Чёрт... Я дышу глубже, кайфуя от того, как Аронов тихо ругается и как дрожат его бёдра под моими ладонями. Впускаю чуть глубже. Ощущения нестерпимые, но пи**ец какие возбуждающие!

Преодолевая рефлекс сжимающегося горла, насаживаюсь на него ещё немного сильнее и с шокированным вскриком выпускаю из рта.

Пытаясь отдышаться, облизываю губы.

- Это было хорошо? – улыбаюсь в его злые возбуждённые глаза.

- Мучительно хорошо...

- Мы только начали!

Разрываю обёртку презерватива, аккуратно выдавливая его в пальчики.

- Первый блин комом! – через пять минут отбрасываю в сторону истерзанную резинку.

- Женечка... – умоляюще.

- Мне кажется, они тебе малы!

- Детка!

Сжимая кончик, как в инструкции, прижимаю резинку к головке.

Со стоном он вколачивается затылком в подушку.

- Не дёргайся...

- Просто раскатываешь, и всё!

- Не налезает... Ты такой мокрый... Скользит всё!

Его бёдра рефлекторно дёргаются навстречу моим рукам.

- Спокойно... будь терпеливым...

- Ты издеваешься?! Развяжи мои руки.

- Нет, у нас есть ещё один.

- Если ты испортишь и этот... – угрожающе.

Сжимаю крепче его член, скользя по стволу вниз, и резинка наконец-то начинает раскручиваться правильно.

– Я молодец?

– Сядь на него! – рычит он. – Пожалуйста! – добавляет ядовито.

И я медленно сажусь и замираю, провокационно глядя в его глаза. При попытке начать двигаться, вдавливаясь бёдрами вниз.

– Ммм... – мучительно.

– Я отвыкла от твоего боинга... «Терпи меня»...

– Зараза!

С рычанием дёргает руками. Я слышу треск.

– Олег... – плавлюсь от острых ощущений и шепчу, наклонившись к его уху: – А Крис мне ещё рассказывала... что когда ты первый раз взял её в попку...

С рычанием вколачивается снизу, и я слетаю с него, истерично постанывая.

Посмеиваясь, возвращаюсь на него обратно, усаживаюсь поудобнее и подмигиваю ему:

– Продолжим?...

– Если ты сейчас вместо того, чтобы сделать нам хорошо, откроешь свой дерзкий ротик... – рычит он, агрессивно дёргая руками ещё раз, – тебе не поможет бандаж. Я нахрен вырву сейчас этот детский фиксатор, и прости меня, малышка, если не буду нежен!

Какой горячий!!

Мои бёдра начинают дрожать от накатывающего оргазма. Мне даже не надо его движений. Достаточно этого чуть болезненного растяжения снизу и его таких вот горячих, перевозбуждённых подач!

Закрывая глаза, прогибаюсь, давая ему возможность двигаться мне навстречу снизу. И ритмично сжимая его грудь коготками, как кошка, ловлю темп. Не такой резвый, как нужно ему, конечно, но уже позволяющий расслабиться и кончить.

Сместив руку на его шею, сжимаю сонную артерию. Он не дёргается больше от моих рук, ему вообще не до «светофоров»! В его синем, разжиженном страстью, взгляде осталось только удовольствие.

И я кончаю не от члена внутри, а просто наблюдая за тем, как вздрагивает его лицо, словно ему резко становится очень больно. Он зажмуривается и приоткрывает свои сжатые губы.

– Смотри на меня... – шепчу я сбивчиво, теряя звуки от слепящих волн удовольствия.

Его мышцы сокращаются, и он рывком выдирает фиксатор.

Со смехом падаю ему на грудь, ловя губы. Мы мягко касаемся языками, и я скатываюсь с него, падая на спину рядом.

– Зараза... – хрипло шепчет он, растирая шею связанными руками.

– Дерзишь... Совсем от рук отбился...

– От твоих отобьёшься...

Глава 8 – Аналитика и психо

Олег лежит на ковре, опираясь на предплечья. Перед ним шахматная доска с двумя наборами чёрных фигур. Если играть одним цветом, то мозг задействует раз в десять больше ресурсов для игры. Отличная тренировка, и я практикую.

Оседлав его сверху, разминаю ему плечи и шею. Рассказываю про своё последнее увлечение, которое удалось упаковать в курсовые.

– Я взяла «Теорию игры», чтобы одной работой защититься сразу и по экономике, и по высшей математике.

– Теория игры?

– ... это вероятностная вещь... синергетика... – объясняю я, – позволяет математически рассчитать поведение систем с неопределённостью состояний и флуктуационным характером принятия решений активными агентами, которые влияют на попадание системы в точку бифуркации... Эти агенты и есть игроки! Их объединяет единое энергоинформационное поле, за рамки которой они функционально не выходят – это среда. Ну и, конечно, единые правила! Шахматы – упрощённая модель...

– Какой тезис будешь защищать по экономике?

– Я беру три модели экономического поведения фирмы и в частично заданных условиях рассчитываю выбор стратегии в рамках дифференциальной игры. Стохастическая, конечно, интересней, но у меня ещё комиссия по моделированию, и я не могу себе позволить более обширную тему. В общем, буду искать интервал неопределённости условий, за рамками которого вероятность предсказуемости выбора стратегии стремится к нулю и к бесконечности. Вот значение этого интервала и буду защищать... Но только качественный анализ, через графики...

– А по математике?

– А по математике – алгоритм его расчёта...

– Очень круто! Тянет на кандидатскую.

– Для кандидатской не хватает статистического анализа и охвата всех моделей поведения.

– Да это понятно, что нужна статистика, но это же дело времени... Экспериментальная наработка... Зачем, кстати, выбирать такую сложную? Явно же уровень матэка...

– Всё просто! – ухмыляюсь я. – Мне нравится защищать только то, в чём я первый специалист. Тогда защита превращается в лекцию, и преподаватель вникает, стараясь разобраться. Это другие статусы. Каждый его вопрос в этом случае не попытка меня проверить, а попытка разобраться самому в сути. Мы меняемся местами. Мне так вкуснее! Слушай, Крис как-то оговорила, что ты тоже писал диссертацию.

– Было дело.

– Дописал?

– Дописал. Но защищать не стал. Убрал в стол и ушёл из медицины.

– А почему?

– Разочаровался в системе. Не то чтобы я был ею очарован...

– Подробнее!

– Я проходил интернатуру в психиатрической клинике. И писал свою работу, проводя исследование нескольких пациентов. Там был один человек... Вернее, их было два. Первый – мой наставник, врач-психиатр. Марк. Мы сблизились. Он ввёл меня в Тему. Но эта история не про него. В тот момент он как раз ушёл в отпуск и уехал отдыхать. Второй – один из моих пациентов. У него была шизофрения. Расщепление сознания. В рамках исследования я договорился, чтобы его сняли с препаратов на время проведения психоанализа. Это оказался самый продвинутый человек из всех, кого я встречал. Он занимался разными практиками по расширению сознания, практиковал Кастанеду, заигрался в это, и его точка сборки расштата-

лась. Итог – принудительное лечение. Он не мог зафиксировать себя надолго в одном состоянии. Множественные личности... Он смещал меня в какие-то невообразимые состояния. В тот момент я перестал быть жёстким агностиком. Я поверил, что есть нечто необъяснимое, иррациональное...

Замолкает.

– Дальше...

– Дальше... Марк был в отпуске, я уехал ненадолго в Европу. Когда вернулся, увидел, что они превратили его в овощ. Лоботомия.

– Зачем?!

– Несколько вспышек агрессивного поведения. И его родственники подписали согласие. На тот момент в России это была ещё не запрещённая практика. Это была невосполнимая потеря для меня. Я забрал свои документы и ушёл из профессии. Я не мог найти ничего, что смещало и просветляло бы меня так же сильно. Возможно, только Тема могла давать мне такие погружения. И я полностью ушёл в неё.

– Хм... Ты восстановил это пустое место?

– Да.

– Как?

– Встретил тебя. Ты очень похожа на того пациента. И мне страшно за тебя, моя девочка. Не раскачивай свою точку сборки.

– У меня есть ты, чтобы фиксироваться, Крис, другие люди... А потом будут ещё и дети. Мужчины быстрее слетают с катушек, они свободнее внутри.

– Никого свободнее тебя я не встречал.

– Не волнуйся за меня. Лечения я не допущу. С детства учусь имитировать нормальность. Мне кажется, получается неплохо.

– Женечка, я прошу тебя об обратном. Допусти, пожалуйста, лечение.

– Что?

– Психоанализ.

– Нет! Я не пойду к психоаналитику! Мне не о чем с ним разговаривать. Мы из разных реальностей. И у меня нет мотива. Меня полностью устраивает тот мир, который я собираю.

– Он сам к тебе придёт. И ему есть, о чём с тобой поговорить. Это буду я. Пожалуйста.

– Ты?... – задумчиво вожу пальчиками по его волосам. – Тогда два условия.

– Внимательно...

– Первое: ты не поднимаешь вопросов о медикаментозном лечении.

– Хорошо.

– Второе: как только я понимаю, что ты начинаешь переносить атмосферу наших сеансов в реал, мы это прекращаем. Всё, что я тебе открываю, не влияет на наши отношения мужчины и женщины.

– Я буду очень стараться. И прошу тебя немного пожить у меня, чтобы у нас было достаточно времени на эти сеансы.

– Я приеду к тебе вечером.

– Спасибо. А что с комиссией?

– Завтра мой декан уточнит дату. В пятницу начинается всероссийская конференция на базе нашего университета, и придут профессора, которые примут участие в моей переэкзаменовке.

– Ты выступаешь на конференции?

– Нет. Не успеваю. У нас такой аврал на работе. Кстати! Нас же ждут там! – спохватываюсь я.

– Нас? – напрягаются его плечи.

– Прости... Я сдала тебя. Иначе я бы с утра уже была на работе, вернулась бы только к ночи. А завтра утром мне в университет.

Наклонившись, разворачиваю его лицо за скулы, заглядывая сбоку. Нахмуренный.

– Я накосячила?

– Ну что ты... – перехватив мою руку, целует в ладонь. – Я завтра и сам планировал появиться. Сегодня... хотел побыть с тобой.

– Ребята там зашиваются...

– Тогда поехали.

Глава 9 – Вернуться в строй

Втолкнув Олега вперёд себя в кабинет Ожникова, я захожу следом, выглядывая из-за его широкой спины.

– Ооо! – оживляется Саня. – Наша потеря!

На столе недопитая бутылка коньяка. Крис, улыбаясь, сидит на коленях у Кости на единственном живом, но роскошном Санином стуле. Все остальные предметы мебели завалены платьями. Разглядывая нас, Костя кладёт руку на сердце:

– Вы меня умиляете!

Я показываю ему язык, Олег игнорирует их стёбные выпады. Протягивает руку Сане, потом Косте. Встречается взглядом с Крис. Та очень выразительно и ядовитенько улыбается ему. А он продолжает давить... Цокнув языком, Крис закатывает глазки, сдаваясь в этой схватке.

– Ну что?!

– Совет про другого мужчину я не оценил.

– Сработало же... – ухмыляется она.

– К счастью, не это.

– А что?

– О чём это вы? – прищуривается Ожников, ловя атмосферку.

А я впиваюсь в его бутерброд с салями. Даёт мне разочек откусить, остальное доедает сам.

Вокруг всё порхает от радостных лёгких эмоций, и я, как наркоман, вдыхаю их полной грудью, млея от удовольствия. Наконец-то...

– Штрафную Аронову! – тянется за бутылкой сидящий на столе Саня.

Но стаканчики у них пластиковые, и Олег перехватывает из его рук бутылку, прикладываясь сразу к горлышку.

Я наблюдаю, как двигается на его шее кадык...

Горячие напитки, горячие мужчины, горячие зрелища!

Со стуком ставит пустую бутылку на стол.

– Рассказывайте, чего тут без меня успели накосячить?

– Ммм! – довольно мычит Ожников под наше общее хихиканье. – Олег Андреевич в духе!

– Не без этого.

Вкладывает в Санины руки ключ от своего кабинета:

– В шкафу коньяк и человеческие рюмки.

– Барин вернулся... – снова хихикаем мы.

– О! – подпрыгивает Крис, слетая с колен Томилина. – В Питер Алию и Соню везёт Аронов!

– О, нет! – поднимает руки Олег. – Я лучше по бумажкам.

Крис, взбивая копну волос, переходит на серьёзные интонации:

– С бумажками мы с тобой сегодня ночью посидим – завтра ехать в налоговую, а девочек надо свозить по пиар-теме – там международное событие. Нам нужно засветиться. Заказчики из ближнего зарубежья.

– Да я приехал только! – раздражённо хмурится Олег, забирая из рук Сани рюмки.

– Но без тебя мы пролетаем. Всего двое суток вместе с дорогой! Я не могу Алию отправить туда без сопровождения. Да и толку от них без менеджера? Там же надо...

– Поменяй Афанасьеву на Туманову, и я подумаю.

– Не-не-не! – тормозит их Чеширский, поднимая руки в останавливающем жесте. – Женька – центральный персонаж на показе. Мы всю картинку на неё завязали! Костя уже пару раз кончил на образ! И мне нечем заменить её.

– Нечем, или ты просто не хочешь этого делать? – поднимает бровь Олег.

Пока они спорят, присаживаюсь на колени к Косте. Легонько целую его в сладко пахнущие губы. Облизываюсь, пытаюсь угадать вкус. Мята? Улыбаясь, он показывает мне карамельку, зажатую в зубах. Качнувшись ему навстречу, перехватываю её своими и отбираю.

– Воровка...

– Жадина!

– Я отдал...

– Я отняла сама! Как у тебя дела?

– На личном – отстой. Но сегодня реально кайфанули, подбирая для тебя образы! Пойдём...

Подхватив меня за талию, он забирает в охапку несколько платьев и уводит в первую попавшуюся гримёрку. На работе уже никого, кроме нас.

– Вот это! – достаёт шикарное вечернее платье. – Охренеть, какая красота! Надевай!

Скидываю вещи, оставаясь в трусиках и колготках. Натягиваю на себя «красоту». Едва-едва садится на бёдра... Корсет явно мал.

– Это вы так пошутили, да? – показательно дёргаю за не соединяющиеся края корсета. – Разница в два размера.

– Да! – закатывает он глаза. – Оно на «эльфа»! Ты не эльф, слава Богу... Но, Жень, ради такой красоты можно и скинуть немножко на время! Тем более, Ожников уже набросал сценарий. Ты скинешь, затынем пожёстче корсет...

Я считаю дни до показа, загибая пальцы – пять дней.

– Сколько мне надо скинуть?

Костя делает шаг назад.

– Килограммов пять... Остальное затынем.

Скинув платье, рассматриваю себя в зеркало.

– Кость! – кручусь перед ним и зеркалами, рассматривая своё упругое, подтянутое тело. Я ещё не набрала свой вес после пневмонии. – Ну откуда я это уберу? По килограмму в день? – фыркаю я. – Может, скальпелем срежем? Тебе где больше нравится!? Тут? – сжимаю ладонями попку в спортивных трусиках. – Или тут? – прикрываю руками голую грудь.

– Ленка! – поднимает он вверх указательный палец, словно найдя решение.

– Ленка срежет? – поднимаю с сарказмом бровь.

– Почти. Она же фитнес-инструктор... Поможет тебе скинуть по-быстрому. Они это умеют.

– Ладно... – разглядываю снова полупрозрачную красоту. Очень не хочется ломать концепцию Кости и Ожникова. – Аронову не говори...

– Я – могила!

БОНУС 1 – СЕАНС РЕГРЕССИВНОГО ГИПНОЗА.

– Ты знаешь, что такое регрессивный гипноз?

– Конечно. Это отматывание времени назад, погружение в предыдущие реинкарнации.

– Это ненаучная трактовка. В научной версии откатывание происходит до постнатального периода. Я бы хотел провести с тобой сеанс лёгкого погружения.

– Я не против, доктор, – улыбаюсь я, закрывая глаза и ложась поудобнее.

Свет притушен, играет медитативная музыка тибетских чаш.

– Чтобы у нас с тобой получилось, ты должна быть расслаблена и полностью доверять мне. Говорить без обдумывания, непосредственно, первое, что приходит.

– Я тебе полностью доверяю. Но у меня есть некоторые опасения.

– Какие?

– Если кратко, боюсь сломать твою психику и потерять тебя, как мужчину.

– Что?

– Ты включишь папочку.

– Нет, этого не будет. И я прошу тебя не анализировать нашу связь на сеансах. Здесь мы в других статусах. С тобой происходило что-то ужасное, Женья?

– Со мной происходила жизнь. Не всегда радужная, но в целом не критичная, на мой взгляд.

– Мы сделаем так. Сначала откатимся до младенчества. Потом будем двигаться обратно до «здесь и сейчас». Это будет исследовательский сеанс. Я попробую нащупать ключевые точки напряжения твоей психики.

– Нащупай. Поехали...

– Открой глаза.

Пару минут он молчит, и мы просто слушаем музыку. Я смотрю в потолок. Он белый.

– Сейчас я досчитаю от десяти до нуля, – спокойный бархатный голос. – Твои веки станут тяжёлыми, глаза закроются. Ты увидишь перед собой большой белый экран. И перестанешь слышать всё, кроме моего голоса.

Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... два... один... ноль...

Я послушно смыкаю уставшие веки. Потолок в моём воображении обретает чёрную рамку.

– Ты расслаблена... Ты чувствуешь, что улываешься на волнах от берега... Тебе не страшно... Это путешествие для тебя безопасно... Ты знаешь, что вернёшься... Этот океан безопасен... Плыви...

И я плыву. И меня даже слегка покачивает на этих волнах.

– Тебе тринадцать. Смотри на экран. Что ты видишь на нём?

– Этимологический словарь...

– Ты читаешь?

– Да.

– Подними глаза. Что видишь вокруг?

– Окно.

– Что на окне? За окном? Отыщи что-нибудь интересное вокруг себя, привлекающее взгляд, тревожащее...

– На окне книги. На столе книги. У кровати книги...

– Почему книг так много?

– Я наказана.

– Как это связано с книгами?

– Ультиматум. Мне нельзя выходить из дома. Месяц. Только в школу.

– Что ты чувствуешь?

– Я ломаю.

– Что ломаешь?

– Родителей.

– Как?

– Не выхожу вообще. Никуда. Третий месяц. Я только читаю. Мне хорошо. Я переехала на страницы.

– Что ты читаешь?

- Остались только справочники, словари и техническая литература. Читаю.
- Дальше... день... два... три... неделя... Что происходит?
- Книжки закончились. Я пишу свои, в голове, глядя на стену, у которой стоит кровать. Это очень увлекательно. Я теперь гораздо глубже страниц. В моей голове оживают голоса. Они общаются, я слушаю. Они очень разные.
- Что они говорят?
- Они просто рассуждают... дискутируют...
- Как это заканчивается?
- Мама сдаётся. Она плачет. Боится, что мой аутизм вернулся. Просит меня остановиться. Система сломана.
- Что чувствуешь?
- Удовлетворение.
- Картинка исчезает. Ты плывёшь дальше. Тебе одиннадцать. Экран оживает. Что ты видишь?
- Больничные койки.
- Ты лежишь в больнице?
- Да.
- Почему ты там?
- Обследование. В моей голове опухоль. Она говорит со мной. Никто, кроме меня, её не видит.
- Что она говорит тебе?
- Она говорит мне, что я – сосуд.
- Что ещё?
- Она говорит: в паре «король и шут» свобода и власть у шута. Она говорит: раздави форму – увидишь содержание. Она говорит... говорит... говорит... Он. Это он. Он говорит: расслабься и доверяй мне. Ты всего лишь сосуд.
- Кто он?
- Винайка. Не имеющий господина. Или господа.
- Ты понимаешь, что он говорит?
- Я понимаю...
- Ты читала раньше те фразы, которые говорит это существо?
- Нет. Он открывает мне много нового.
- Тебя влечёт то, что он говорит тебе?
- Конечно. Я хочу диалог. Но мне не хватает сил включить нужный голос в моей голове. Услышать кого-то, кроме него. Он блокирует всех.
- Кого – всех?
- Всех меня.
- Тебя... Он показывает тебе страшные взрослые сны?
- Да.
- Зачем?
- Занижает мои вибрации. Стыд. Страх. Вина. Ненависть. Отвращение. Иначе я его выплесну.
- Как он ушёл?
- Я его выплеснула.
- Как?
- «Обними и поцелуй кровавую пасть».
- Так... Картинка стирается. Белый экран. Ты уплываешь ещё дальше. Тебе девять. Что ты видишь?
- Я вижу мужчину. В очках.

- Кто это.
- Учитель физкультуры.
- Что он делает?
- Он хочет помочь мне переодеться, – улыбаюсь я.
- Он трогает тебя? Вы одни?
- Да, он трогает. Ему очень страшно и горячо. Руки дрожат... И его лицо краснеет... Он кладёт руки на пояс моих шортиков.
- Дальше...
- Я спрашиваю у него, что значит слово «педофил». Он очень пугается. Спрашивает, где я слышала такое слово. Я вру, что так его называют родители...
- Он не трогает тебя больше?
- Больше не трогает. Никого больше не трогает. У нас другой учитель физкультуры.
- Что ты чувствуешь?
- Удовлетворение. Удовольствие. Азарт.
- Экран снова пуст. Плыви... Тебе семь. Что ты видишь?
- Я вижу свой раскуроченный арбалет.
- Арбалет?.. Что за арбалет?
- Я его делаю. Боевой арбалет. Картинка из книги. Отцовский гараж. Рессора... подшипники... шуруповёрт... Я встраиваю его в дерево напротив. Там подходящая вилка из двух стволов. Натягиваю рессору вилами, нужно «плечо»...
- Дальше...
- Пробитая стена гаража... Раскуроченная дверь машины. Мой арбалет уничтожен. И моя спина тоже.
- Тебя били?
- Били.
- Ремнём?
- Да.
- Что ты чувствуешь?
- Больно. У меня жар... Я чувствую удовлетворение.
- Почему?
- У меня получилось.
- Белый экран. Плыви глубже. Тебе три. Что происходит?
- Взрослые не боги. Они просто высокие. Страх... Стыд... Вина... Усталость... Раздражение...
- Тебе страшно? Это твои эмоции?
- Мне – нет. Это вокруг.
- Ещё... Что ты видишь?
- Кошка. Гроза... Мозаика. Красных кнопочек меньше. Симметрии не получится. Я расстроена.
- Ещё... День... два... три... Месяц назад... два... Что там?
- Аутизм. «Ваша девочка аутист». Страх... Стыд... Вина... Усталость... Раздражение...
- Ещё...
- Молоко. Кошка урчит... У неё будут котята. Ей хорошо. Мне хорошо. Я чувствую каждого... Часы тикают... На ковре спирали... Веду по ним пальцем. «Она не заговорит». Я уже давно могу. Я не понимаю, зачем. «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Фиолетовый самый красивый. В нём спрятано лето. И цветок фиалки.
- Белый экран. Уплывай... Тебе два... полтора... один... Тебе несколько месяцев... Сколько? Что ты видишь?
- Глаза... Это боги! Я счастлива...

- Почему они боги?
- Я тону в счастье. Это тёплый экстаз... Не о чем беспокоиться. Больше ничего не существует.
- Белый экран. Плыви глубже... Что там?
- Там экран... И я куда-то плыву... Самбандха...
- Ммм... Стоп. Ты плывёшь обратно к берегу. На мой голос. Ближе... Ещё ближе... Тебе год... Что ты видишь?
- Рыба... бьётся... Мне тяжело дышать...
- Плывёшь дальше... Четыре года...
- Кровь...
- Что за кровь?
- Моя.
- Ты поранилась?
- Я изучала.
- Ты разрежала себя?
- Да.
- Смотрела, что внутри?
- Нет. Чувствовала боль.
- Зачем?
- Надо разделить.
- Что разделить?
- Страх и боль.
- Плыви ещё ближе. Пять. Что ты видишь?
- Я вижу игрушки. Очень много. Они все – мои игрушки. Ты говоришь – они чувствуют. Такая игра...
- Это люди?
- Люди.
- Что ты чувствуешь?
- Вкусы.
- Плыви ближе, тебе восемь. Что там?
- Политика...
- Политика?
- Это такая игра. У взрослых. Я изучаю... Очень сложная.
- Что ты чувствуешь?
- Ммм... Мне горячо. Мне щекотно... там, под черепом. Это очень сложная игра. Даже сложнее, чем шахматы. Там ходят словами. Мне нужны слова. Много слов. Я их коллекционирую.
- Белый экран. Тебе тринадцать... Есть кто-нибудь рядом?
- Брат. Мой новый.
- Что вы делаете?
- Я его разбираю на запчасти. Я ищу в себе женщину.
- Как?
- Обнажаюсь, оголяюсь, открываюсь. Мы купаемся раздетыми. Я достаю из него чувства.
- Ты его хочешь?
- Я хочу его ощущений. Почувствовать эту реальность через его ощущения. Он вкусный...
- А что чувствуешь ты?
- Новое блюдо. Закрываю глаза и дегустирую.
- Он прикасается к тебе?

– Нет.

– Плыви ближе... Пятнадцать. Что ты чувствуешь?

– Я очень устала.

– Почему?

– Я устала от всех внутри себя. Я хочу посмотреть в глаза богам и забыться. Но их больше нет.

– Чего ты хочешь?..

– Стать богом сама.

– Я считаю до десяти, ты открываешь глаза и чувствуешь, что просто спала. Эти воспоминания не тревожат тебя. Они в прошлом. Один... Два... Три... Четыре... Пять... Шесть... Семь... Восемь... Девять... Десять... Женечка?

Открываю глаза. Поворачиваюсь набок, подкладываю руки под щеку. И почему-то начинаю молча реветь.

– Детка... – срывается он, откидывая в сторону блокнот. – Как ты себя чувствуешь?

– Можно, я посплю?...

– Поспи.

Закрываю глаза. Засыпая, слышу, как он говорит по телефону с Крис:

– Не могу сегодня. Нет. Чёрт с ними. Значит, будем платить штраф. Нет, я не поеду. Женя плохо себя чувствует. Всё.

Глава 10 – Перебор (часть 1)

Постучав, открываю дверь кабинета и заглядываю внутрь.

– Александр Владимирович, можно?

– Зайди.

Падаю в кресло напротив.

– По этикету, Туманова, ты должна подождать, пока я предложу тебе сесть.

– По этикету, Александр Владимирович, Вы должны были встать, как только я вошла. И не садиться, пока я не соизволю присесть первой.

– Это не наш случай. Ты мне говоришь о светском, а в нашем случае мы должны пользоваться правилами делового этикета, – чуть раздражённо улыбается он.

– Мне приятней чувствовать Вас мужчиной, а не начальником. Я выбираю светский... – улыбаюсь ему в ответ. – А Вам как... приятнее? – невинно хлопаю ресничками. – Нет, я, конечно, могу и встать... – опасно прищуриваюсь и медленно приподнимаюсь, упираясь руками в подлокотники.

– Сидеть! Не доводи меня до инфаркта! Кто будет тебя доучивать?!

– А вот за это – спасибо! – расслабляюсь я в кресле. – Когда моя казнь?

– Комиссия назначена на понедельник, на четыре часа.

Застонав, я прикидываю, что не успею даже толком подготовиться. В воскресенье поздно вечером показ.

– Билеты... – он двигает в мою сторону папку с бумагами. – В первой подшивке фамилии и должности членов комиссии. Погугли информацию об их разработках, они однозначно будут задавать вопросы из своего поля. Но сама понимаешь, что прогонят по всем темам. Так что на везение не рассчитывай.

Открыв папку, пролистываю страниц двести мелкого шрифта.

– Тут с ответами... – удивлённо поднимаю на него глаза.

– Господи, девочка! – хватается он за голову. – Это матмоделирование! Шестьдесят вопросов! Если ты это просто ВЫУЧИШЬ, я лично подпишусь под твоим высшим образованием в этой области! Ну когда тебе ещё и ответы-то искать?!

С чувством щемящей благодарности смотрю в его хмурое лицо. Наверное, я похожа на кота из Шрека. Потому что, закатывая глаза, он падает в кресло и, крутанувшись на нём, отворачивается.

– Иди.

Подкравшись сзади, я обнимаю его за шею и впечатываюсь в чуть колючую щеку губами.

Вылетаю из кабинета, плескаясь в его эмоциях.

Мужчины – это самые лучшие и отзывчивые существа на свете!

Демченко бы сейчас сказал «непуганая дура!»

* * *

Обмерив меня сантиметром и подавив на мышцы, Ленка качает головой:

– Это невозможно. Жировой ткани мало... Ну какие пять?! – разводит она руками. – В лучшем случае три, и то, только если тебя тупо высушить.

– Это как? – сглатываю я, тут же чувствуя острую жажду.

– Спортсмены, чтобы попасть в нижнюю весовую категорию, перед соревнованиями тренируются, но не едят и не пьют... В итоге тело иссушается. По сути, ты не теряешь ткань,

только воду. Но полтора-два килограмма можно выиграть и по объёмам хорошо сократить. Потом начинаешь пить, и всё возвращается.

– Трое суток без воды?

– Да. Когда сильно невтерпёж, набираешь в рот воду, держишь минуту и выплёвываешь. Первый дефицит покроешь. Наши всё время на таких трёх-пятидневках сидят... Пожрать-то вечерами никто не отменял! – усмехается она. – А в зал лениво. Вот пару раз в месяц и...

– А как они терпят?

– Есть таблетки, притупляющие голод – прозак. Наркота, конечно, но если недолго, как у тебя, там без последствий. Достать?

Нет, на это я не готова.

– Я сама попробую, – вздыхаю...

– Чего тогда стоим? – хлопает она ладонью по панели беговой дорожки. – Ножками двигай.

Послушно шагаю, пока Ленка настраивает режим на панельке.

– Я дам тебе таблетки с аминокислотами. Три раза в день пять таблеток запиваешь ста граммами воды. С утра можно стаканом. На этом всё.

Ленка ложится на руки, облакачиваясь на поручень дорожки, с любопытством разглядывает меня. Чувствую, как её подмывает любопытством. И тихо посмеиваюсь, потому что уже знаю, куда её опять понесёт.

– Женька...

– Ммм?

– Ну, признайся! Ты же трахаешь Аронова? Хрень это всё с «опекунством».

– Да реально, он мой опекун! – смеюсь я.

– Врё-ё-ёшь... – стонет она. – Ладно, не хочешь – не говори про него. А Литинскую?

– А ещё Ожникова и Томилина! – ухмыляюсь ей, отшучиваясь.

Сплетней на эту тему тоже в избытке.

– Вот думаю, что пора расширять ареал обитания – соблазнить тебя, Лилу и соседей по гримёрке.

– Кстати, про соседей твоих, да и про начальство... Про тебя Лора такую грязь льёт... – меняя тон на серьёзный, хмурится она. – Врёт ведь всё?

– А как сама думаешь? – съезжаю я, не желая оправдываться.

С соседями у меня полный дружеский феншуй в стиле «своего пацана». Можем поржать и даже немножечко поскабрезничать, но не больше.

– Не знаю... Честно? – поднимает она бровь. – С соседями – бред. Ваших приколов с Кристиной я не понимаю. Там явно есть что-то, но грязи я не чувствую. Пашешь ты наравне с остальными, поэтому мне тут по*ер. Аронов... Трахаетесь вы по-любому! Так, как он на тебя смотрит, только на свою женщину можно смотреть. Но я понимаю тебя. Не надо девкам этого знать. Про Томилина – я тебя умоляю! – хихикает она. – Он не из нашего стада. И Ароновым любитесь гораздо выразительнее, чем тобой.

Да?! Я даже сбиваюсь с шага. Какая я невнимательная! Ну, вообще – да, Аронов роскошный... Почему бы Косте им не любоваться? Если бы там было что-то болезненное, я бы уловила сразу же.

– Ожников... – задумчиво продолжает Ленка. – Вот тут не могу разобраться! Тискается постоянно, хихикаете, переглядываетесь, чаёчки, шоколадочки, тусовочки... Но х*р я поверю, что Олег Андреевич на своей территории приبلудных котов потерпит! – ухмыляется Лена. – Не-е-е... С Ожниковым вы просто стебётесь! Аронов его как няньку прикрепил, – делает она заключение. – Я попала?

– С Томилиным в самую точку.

– Конспираторы!

Ленка умная девчонка...

* * *

В середине репетиции мне резко плохее: голова кружится, в глазах темно. Качнувшись к стене, опираюсь на неё рукой и закрываю глаза. Звуки доносятся, словно из-под толщи воды. Чтобы не упасть – ноги совсем не держат – я ложусь спиной на стену и, не открывая глаз, съезжаю вниз. Вторые сутки голодовки, говорят, самые тяжёлые.

– Жень? – словно откуда-то издалека слышу встревоженный Санин голос. – Жень! – чуть ближе.

Потом его горячая рука ложится на мой холодный, мокрый лоб. Глаза не открываются. Подхватив за талию, он зачем-то тянет меня вверх.

– Что-то мне нехорошо... – ложусь я головой ему на плечо.

– Пойдём, – обхватив за талию, он на глазах у шушукающихся девчонок ведёт меня к выходу из зала.

Перед глазами мелькают жёлто-чёрные точки.

– Залёт... – слышу подь**ку Кати, когда мы проходим мимо неё. – Кого поздравлять – Ожникова или Аронова?

– Не рот, а выгребная яма с банальностями! – фыркаю я, опережая Чеширского, уже собравшегося рывкнуть. – Хоть противогаз надевай...

Что она отвечает, уже не слышу, потому что в ушах резко начинает шуметь, колени подкашиваются.

Саня ловит меня.

Но почти сразу я прихожу в себя.

– ...Крис или Аронова... быстрее... – кого-то просит Ожников.

Усадив на стул в фотопавильоне, тревожно вглядывается мне в глаза.

– Просто поплохело! – развожу руками. – Не надо паники.

– Катя случаем не права? – закусывает он губу.

– Вы, коты, такие беспокойные создания, – хихикаю я. – Не волнуйся! Это, скорее, от обратной стороны процесса. Его предположение сегодня опровергла моя физиология.

Выдохнув, он наливает мне из графина стакан воды. Моя рука рефлекторно дёргается и тут же застывает. Но Ожников настойчиво впикивает мне стакан в руки.

– Ты меня так не нервируй! Мы, коты, ещё и очень впечатлительные создания!

В павильон влетает Олег. Игнорируя Ожникова, он присаживается передо мной, заглядывая в глаза.

– Аля сказала, что тебе стало плохо.

Чеширский, видимо решив, что я в надежных руках, тихо выходит, оставляя нас вдвоём.

– Мхм... Голова закружилась.

– Почему?

Вода выглядит очень вкусной, и мои пересушенные губы готовы потрескаться просто от одного взгляда на неё. Сдаваясь, я делаю пару маленьких глотков и ставлю стакан подальше.

Олег пробегается пальцами под моими глазами.

– Плохо спала?

– Учу экзамен... И не позавтракала, – признаюсь я. – Мне нужно влезть в платье.

Олег присаживается рядом со мной на стол.

– Надо влезть в платье – не ужинай! – рассерженно. – Но завтрак должен быть полноценным.

Я и не ужинаю... – ворчу про себя. И не обедаю... Видел бы ты ту «эльфийскую» красоту!

– Поехали, я покормлю тебя, – тянет он меня за руку.

Но резкий приступ тошноты не вдохновляет поддаться на этот соблазн.

– Ой, нет! Не хочется... Да и репетиция... – пытаюсь я съехать.

Подняв моё лицо за подбородок, он сердито смотрит в глаза:

– Когда последний раз ела?

Объяснять Олегу всю эту концепцию с моим быстрым похудением – не вариант. Он несёт её нафиг, а Саня с Костей точно не успеют ничего переиграть. Не надо было подписываться с самого начала, а теперь уж... В конце концов, скоро всё это закончится!

Молчу.

Он требовательно смотрит в мои глаза. Телефон в его руке трезвонит.

– Я просил тебя пожить пока у меня.

– Это невозможно. Мне нужно учить.

И ещё мне нужно не есть.

– После комиссии.

И показа.

– Хорошо... – кивает он, поглядывая на телефон.

Достаёт из кармана пакетик с кешью, отдаёт мне. Перекусывает он обычно орехами, если не может позволить себе полноценно поесть.

– Съешь. Сейчас.

– Ладно...

– Завтра я уезжаю, Жень. В Питер. В воскресенье вернусь. И я хотел бы...

Телефон звонит опять.

– Я могу тебя попросить сегодня приехать ко мне? – протягивает ключи.

Забираю.

– Хорошо.

Глава 10 – Перебор (часть 2)

– Как приличная ведьма, она появляется ровно в полночь, – он отступает внутрь квартиры, впуская меня.

– Мы, ведьмы, питаем слабость к эффектным ритуалам, – улыбаюсь я.

Помогает снять дублёнку. В порыве сжимает мои плечи и тут же отпускает. Всё ещё голодный... Ноздри вздрагивают, взгляд темнеет. В грудь мне бьётся его нетерпение.

Я чувствую, что он только «облизнулся», и для его сексуального аппетита то, что было после его возвращения, даже не аперитив, а так... глоток воды перед пиром, которого он жаждет.

– Увы, сегодня я тебя не накормлю досыта, мой Зверь, – улыбаюсь ему. – Хотя... Мы можем немного усовершенствовать навыки моего минета.

– Меня устраивают навыки твоего минета, – ухмыляется он. – У тебя месячные?

– Да.

– На будущее: хищники крови не боятся, – стреляет в меня взглядом. – Но сегодня у нас другие планы.

– Мне кажется, то, какие у нас планы, решаю я.

– Присядь, – усаживает меня в кресло. – Я хочу договориться об одной принципиальной для меня вещи. Уступи, пожалуйста.

– Я тебя слушаю.

– Всё, что касается секса, я тебе отдал. Пусть пока будет так. Но пойми меня... Ты девочка, а я уже взрослый мужчина, я не могу отдать тебе наш лайф. Когда мы наедине, внутри нашего мира – пожалуйста. Но когда мы выходим за его рамки как пара, когда речь идёт о безопасности, здоровье, общей стратегии, круге нашего общения... позволь мне вести наши отношения.

– Я тебя понимаю. И когда мы выходим как пара, я отдаю тебе такую власть, если ты будешь умерен с её реализацией. Но Олег... Концепция свободных отношений остаётся. Когда мы не выходим как пара – каждый сам по себе.

– Зачем тебе это?

– Скажем так: я хочу оценить свободу.

– Ты хочешь других мужчин? – внимательно всматривается в мои глаза.

– Да нет... – прислушиваюсь я к себе.

– Зачем? Разве я ограничиваю тебя?

– Ты хочешь это делать.

– Это отношения, Женя. В любых отношениях есть ограничения.

– Как Верхняя, я буду учитывать твои Харды.

– Ты их не знаешь.

– Я их чувствую.

– Озвучь.

– Никого значимее тебя быть не должно. Ты – приоритет. Доверенное лицо. Самый близкий и единственный, кто внутри всех моих Пределов. Это должно быть абсолютно прозрачно и неоспоримо для всех, кто ко мне приближается.

– Ещё.

– То, что я делаю – безопасно. И я не связываюсь с людьми криминальными, опасными, беспредельными, нестабильными.

– Ещё.

– То, что я делаю, не бьёт по твоему статусу.

– Ещё...

– Ммм... – прислушиваюсь к своим ощущениям. – Ты в курсе всех деталей, я не скрываю от тебя ни своих приключений, ни своих чувств, чтобы ты мог повлиять на происходящее, если вдруг сочтёшь нужным.

– Ещё...

– Играться – Софт, трахаться – Хард! – с улыбкой закатываю глаза.

– Я поражён.

Делаю величественный поклон головой.

– А теперь о безопасности и общей стратегии... Ты устала?

– Часа два я ещё в бою! Во что поиграем, хищник?

– В психоаналитика.

– Ну, давай... – вздыхаю я. – Мазохист.

БОНУС 2 – АССОЦИАТИВНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ПОДСОЗНАТЕЛЬНОЕ.

– Для начала я хотел бы обозначить несколько тенденций, которые не классифицирую пока, как заболевания. Но считаю, что стоит работать над этим дальше.

– Замечательно. Я слушаю.

– Очень хотелось бы верить, что я сейчас пополню твой словарный запас, но верится в это слабо.

– Таки попробуй.

– В целом налицо мозаичное расстройство личности с цикличным обострением. Что симптомы, а что диагнозы – пока неясно, но отметить можно следующие тенденции: аутизм, социопатия, деперсонализация и расщепление личности, автоматизмы, парафрения, культурная геттоизация, параноидальный психоз. Сексуальные извращения пока опустим.

– Добавь игроманию и нарколепсию. Сексуальные ты опустил, но я бы не стала игнорировать эксгибиционизм и парафилию. Для общей клинической картины.

– Парафилия?

– Я возбуждаюсь от неестественных вещей, не связанных напрямую с сексом.

– Например?

– Опасность, азарт, сложные игровые ситуации... Много всякого.

– Эксгибиционизм...

– Ну да...

– В какой форме он возник?

– Долгое время мама пыталась навязать мне стыд за обнажённость. Я не понимала, почему обнажённое тело – это плохо или стыдно.

– Ты не испытывала стыд?

– Только уязвимость и множество эмоций окружающих. Очень разных. Мне было интересно. Мне казалось, что обнажение – это инструмент изучения окружающих. Мне и сейчас так кажется. Но в детстве... В какой-то момент маму взбесило моё нежелание перенять её стыд, и меня начали лупить за то, что я не испытываю стеснения, обнажаясь тогда, когда хочу. Внутренний конфликт реализовался в навязчивый кошмар. Меня преследовал сон, где я оказывалась абсолютно голой среди толпы незнакомых людей. И я начинала испытывать ту эмоцию, что транслировала мама. Она мне не нравилась. Этот сон меня выматывал. И я решила его победить.

– Как?

– Я разделась и пошла на улицу.

– Что? Сколько тебе было?

– Шесть.

– Чёрт... – крутит он ручку. – Очень жаль, что я игнорировал периодизацию детской психиатрии. Шесть... Шесть... Ты осознанно пошла раздетой на улицу в шесть?

– Да. Это была терапия. Я решила так вылечить себя от этого сна. Периодизация тебе сейчас никак не поможет, потому что у меня было опережение психологическим возрастом физиологического. В шесть я была уже очень взрослым ребёнком. Исправь, если я ошибаюсь, но обычно аналитический отдел мозга, который отвечает и за абстрактные формы мышления, начинает полноценно функционировать к девяти, так?

– Так.

– У меня, как у аутиста, он работал с самого начала.

– Я не уверен насчёт аутизма.

– Почему?

– Аутисты не выпускают своих переживаний, не налаживают контакт с окружающими людьми, путают фантазии с реальностью. Дефекты когнитивного развития и поведенческих норм.

– И что не так? – прищуриваюсь я.

– Они аутсайдеры. Ты – наоборот.

– У меня фазированное обострение синдрома.

– Так не бывает.

– Тогда я родила новую форму аутизма.

– Нет... – недоверчиво качает он головой. – Ты устанавливаешь социальные контакты.

– Со своими фантазиями. Как обычный аутист. Просто я надеваю эти образы на людей и позволяю моим фантазиям интегрироваться с реальностью.

– Стоп! Ты эмоциональна.

– Это фазированно. Бывают эпизоды, когда я замыкаюсь и выпадаю.

– Аутизм не проявляется фазами.

– Тогда я родила новую его форму. Моя энцефалограмма, как у аутиста.

– А чем они, по-твоему, отличаются?

– В бодрствовании слишком активна мозговая деятельность отделов, ответственных за сновидения. А в фазе сновидения активны волны, характерные для бодрствования.

– Детка, никто в науке таких закономерностей не проводил!

– Я провела.

Встряхивается.

– Опустим пока аутизм.

– Окей. К аналитическим способностям и моей обнажёнке... Всё время анализировала, сколько себя помню. Абстрагировала свои выводы в тезисы. Обобщала. А помню я себя с десяти месяцев.

– Удалось? Твоё прилюдное обнажение купировало навязчивые сны?

– Удалось.

– Тебя наказали?

– Меня наказали, но это был последний раз, когда меня наказали за это.

– Потому, что ты больше так не делала?

– Потому, что я сказала, что буду выходить каждый раз голой, если меня будут за это наказывать, и что мне понравилось. На следующий день я, как и обещала, вышла опять. После этого у мамы была истерика, так как моя спина и задница были расплосованы ремнём. И окружающие увидели меня не только голой, но и избитой.

– Ты делала это намеренно! Дрессировала их.

– Конечно. Родители меня бесили своими слабостями и невозможностью относиться к происходящему открыто. И я бесновалась. Страх и боль были уже разделены. Поэтому я могла пережить свои наказания отстранённо.

– Что было дальше?

– Мама замолчала про стыд, и я прекратила делать так.

– Но тебе реально понравилось обнажаться?

– Да, мне реально понравилось. Я наелась эмоций.

– Откуда ты взяла этот инструмент работы над собой?

– Когда мне было два, я чётко ощущала под своей кроватью некое существо. Существо нехорошее, с низкими вибрациями. Дух, домовый... Не знаю. Когда я засыпала, он визуализировался в нечто похожее на клоуна из «Оно». Это я уже сейчас могу сказать. Тогда он был для меня просто паукообразным клоуном. Короче, он доводил меня до ужаса. И в какой-то момент я устала его бояться. Взяла подушку и пошла ночью спать к нему под кровать. На несколько минут ужас усилился до панической атаки, но я не позволила себе сбежать и расслабилась, пытаясь отдаться тому, что чувствую. В какой-то момент интенсивность эмоций зашкалила, и они сошли на «нет». Я была очень близко к нему. Но ничего нового не происходило. За этим ужасом, что я испытывала, не стояло ничего. Это могло означать только одно – он не может причинить мне никакого вреда, кроме как вызывать этот ужас. Мне показалось это глупым, и я уснула под кроватью. После этого он исчез.

– Без комментариев, – хмурится Олег. – Абстрагироваться от переживаний и сделать вывод? В два? Это невозможно.

– Может, два с половиной...

– Дальше. Игромания?

– Я стараюсь это контролировать. Но не могу остановиться, когда расклад кажется мне очень азартным. Мне сносит башню от красивой игры, я её продолжаю в ущерб себе. Это в масштабной форме. В мелкой... Я могу на несколько суток пропасть за новой игрой. Когда западаю, я не ем и не сплю практически. Не осознаю, что происходит вокруг, испытываю выраженную агрессию и раздражение, если кто-то пытается меня прервать. Как только я полностью выкупаю алгоритмы игры, торможу сама.

– Да, это игромания.

– Я и говорю.

– Нарколепсия?

– Тут неоднозначно. Я пока не могу определиться, к чему отнести: к автоматизмам или нарколепсии. У меня часто повторяющийся сонный паралич в сочетании с паническими атаками.

– Ого...

– Да. Я зависаю между сном и явью, моё тело полностью отключено, а сознание включено. Наваливается состояние дикого ужаса и беспомощности. Я умираю от ужаса, не в силах пошевелиться.

– Длительно?

– Самый длительный минут сорок.

– Хм... Такая длительность не описана в медицине. Обычно минута-две.

– Я знаю.

– Как часто?

– Дело в том, что если я не вымотана и засыпаю спокойно, а не отрубаясь, это происходит без потери сознания. Я захожу в сон без отключения сознания. Осознанно. И я всегда знаю, что сплю. Мои сны управляемы. Но на этапе погружения всегда возникает эта штука. Всегда. Обычно она длится секунды три. Но иногда я длительно застреваю. И ко мне присоединяются какие-то ДРУГИЕ. Не знаю... Нижние сущности, мёртвые сущности... Короче, мои вибрации резко понижаются, и я начинаю выплёскивать энергию, испытывая паническую атаку. Они жрут! И иногда могут держать меня очень долго. «Синдром ведьмы».

– Жень, то, о чём ты говоришь сейчас, это не истероидность случайно?

- Чтобы придать себе значимости?
- Да. Я очень прошу тебя быть со мной максимально реалистичной.
- Нет. Это реально со мной происходит. И пару раз ты был свидетелем этого, когда я не справилась, и меня утащили в те нижние частоты. В астральном теле. Ты веришь в астральные путешествия?
- Не знаю. Не определился.
- Я могу тебя научить...
- Стоп. Не уходим в иррациональное. Я бы отнёс это к параноидальному психозу. Как симптом.
- Ну, пусть тогда так, – вздыхаю я. – Врачи такие врачи!
- Насчёт парафрений... Твоих автоматизмов, одержимости.
- Это уже пройденный этап, и мы вроде как определились, что это было на фоне гормонального всплеска.
- Теперь я в этом не уверен. Окей. Я бы хотел предложить тебе сегодня ассоциативное путешествие, – он берёт в пальцы ручку и задумчиво покручивает.
- Давай.
- Между строк у тебя везде идёт тема саморазрушения.
- «Самосовершенствование – онанизм. Саморазрушение – вот, что действительно важно!» – улыбаюсь ему.
- Короткая улыбка в ответ, и на секунду он сбивается со своей волны. Хмурится:
- Женя... Веди себя адекватно происходящему.
- Как скажете, доктор.
- Закрывай глаза... расслабься... отпусти своё сознание... посмотри картинки вместе со мной... Мы отправляемся в путешествие... Пять... четыре... три... два... один... ноль... Смотри образы: собака... дом... берёза... велосипед... портрет... Чей?
- Женщины.
- Кто она тебе?
- Я не знаю... Мы похожи. Она мёртвая. А глаза живые.
- Дальше... Дорога... Куда она ведёт?
- В лес.
- Зачем тебе туда?
- Отдохнуть.
- Ты устала?
- Девочка устала.
- Кто эта девочка?
- Я.
- Иди туда. Какой этот лес?
- Живой. Наблюдает.
- Иди глубже. Что видишь?
- Озеро.
- Какое оно?
- Тёмная неподвижная гладь.
- Дальше...
- Вхожу...
- Зачем?
- Тонуть не страшно...
- Ты хочешь утонуть?
- Я уже тонула.
- Что там?

- Там? Дом... покой... безмятежность... дар забвения...
- Это смерть?
- Да.
- Выходи из воды. Женя... Женя, ты меня слышишь?
- Да.
- Выходи. Что чувствуешь?
- Ветер.
- Это хорошо?
- Хорошо... Можно летать.
- Куда ты летишь?
- Повыше.
- Зачем?
- Дольше падать.
- Ты любишь падать?
- Да. И разбиваться.
- Ты делаешь это во снах?
- Всегда.
- Тропинка... Вернись на тропинку... Впереди дом. Какой он?
- Ветхий... уютный... Ведьмин дом.
- Заходи. Что видишь?
- Зеркало.
- Подойди к нему. Посмотришь в него.
- Вздрагиваю.
- Что видишь?
- Всё.
- Кого видишь?
- Впереди девочка.
- Сколько ей лет?
- Ей? Одиннадцать...
- Ты видишь кого-то ещё?
- Вижу...
- Открываю глаза, делая вдох поглубже.
- Жень? – наклоняется, всматриваясь в мои глаза.
- Ты веришь в реинкарнацию, доктор?
- У тебя просто очень живая фантазия, и ты не можешь адекватно отделять её от реальности.
- Как скажешь.
- Его рука ложится мне на лоб. Закрываю глаза.
- Ты можешь вспомнить, кого ты видела в зеркале?
- Я видела себя.
- Девочкой?
- И девочкой тоже.
- Почему ей было одиннадцать?
- Ты хочешь мою интерпретацию?
- Да.
- Потому что в одиннадцать с ней случился Кандинского-Клерамбо, и она перестала быть только девочкой. Произошло расщепление, появились другие личности... А девочка осталась девочкой. И она во мне в том возрасте застряла. Это если говорить на твоём языке.
- А если на твоём?

– А если на моём, то я вспомнила свои инкарнации. Обрывочно. Не через события, а именно как состояния сознания. И я смещаюсь по своим личностям. Потому что ТОТ, кто переделал меня, научил меня смещать свои состояния. Кастанеда называет это движением точки сборки. Как и у твоего пациента, она не зафиксирована жёстко, и почти всегда я могу этим управлять. Но в моменты стресса или усталости я часто скатываюсь в свою «девочку».

– Женечка, а в какой больнице я могу найти твою детскую карту? Где все эти обследования?

– В краевой, в архиве. Но я вырвала там несколько порочащих мою адекватность страниц.

– Мхм... – отмечает он себе что-то. – Так... Медикаментозное лечение было?

– Оно было прописано. Я имитировала, что лечусь.

– Ты не пила таблетки?

– Нет.

– Вас не проверяли?

– Не слишком дотошно.

– Что такое Самбандха?

– М?

– Ты сказала это слово на прошлом сеансе.

– Я не знаю. Давай погуглим.

– Я уже погуглил. Мне интересно, почему ты сказал это слово и откуда его взяла.

– Я не знаю. Быть может, в прошлой жизни я знала его.

– Же-ня...

– Иногда в смещённых состояниях мне приходят слова из других языков.

– Ты наверняка где-то это прочитала, а потом забыла. В состоянии гипноза слово всплыло.

– Пусть будет так, – вздыхаю я. – А теперь, доктор, можно, моя «девочка» немного поспит, если Вы не планируете воспользоваться её благосклонностью? Мне вставать в шесть.

– Не планирую. Засыпай, я посижу с тобой.

– Хочешь поймать мою паническую атаку?

– Может быть...

– Не получится. Моя зарядка на нуле. Жрать с меня нечего.

Отрубаясь.

Глава 10 – Перебор (часть 3)

Костя недовольно разглядывает моё лицо, удерживая за подбородок.

– Ты спала вообще? – цокает он недовольно. – Выглядишь ужасно!

– Ну, спасибо тебе, Томилин! – лениво огрызаюсь. – Вообще-то, всё как просил. В твою долбанную «красоту» я почти вхожу.

– Ты как себя чувствуешь?

– Жесть... – вздыхаю я. – Не представляю, как пойду! Меня трясёт от слабости...

Стащив с тумбочки зелёное яблоко, он всовывает мне в руки.

– Ты как из Бухенвальда, бл*ть... О скулы порезаться можно!

– Твоими молитвами! – со стоном впираюсь в яблоко и проглатываю, почти не жуя. Вкусно!!!

– Больше никаких экспериментов с весом. Диета – не твоё.

Пока я с благоговением уплетаю яблоко, Костя разводит на палитре грим. Всю ночь тонула в лекциях, формулах и спать хочется жутко.

– Ты порисуй, а я посплю, – закидываю голову на спинку кресла.

– Ночью поспишь... – делает он мне лимфодренажный массаж лица.

– Не посплю... – сегодня приедет Олег, и мне хотелось бы провести эту ночь как-нибудь поинтереснее.

– Ладно, спи, – машет он на меня рукой. – Только не двигайся.

Через некоторое время Костя будит меня, заставляя смотреть то вниз, то вверх, дорисовывая глаза.

– Красотка! – отправляет мне воздушный поцелуй. – Только давай глаза сосудосуживающими закапаем? Белки красные...

Я вяло киваю, наверное, впервые забывая посмотреть на очередной Костин шедевр. От усталости покачивает. Моргая, пытаюсь избавиться от ощущения песка под веками. Иду в примерочную. Туплю страшно. И уже пятнадцать минут не могу отыскать стойку с вешалками, где написано моё имя. Лиля подкатывает её ко мне и всовывает в руки пакет с обувью. Благо, всего три пары.

Главное – запомнить «что под что»...

Впереди ад под названием генеральная репетиция. Руки и ноги слушаются с трудом, а мне предстоит раз тридцать переодеваться, так как одним прогоном Ожников не удовлетворится, а у меня восемь моделей. Платья вечерние, тяжёлые.

Скинув кроссовки, я надеваю первые туфли и платье. Теперь оно мне великовато, но Анж быстренько прихватывает пару мест стежками, усаживая его по фигуре.

Музыка, свет, поехали...

Походка от бедра, взгляд в зал, спину прямо... чётко в ритм. Это на автомате. За кулисами перехватывают знакомые руки Лили или Ангелы и нетерпеливо крутят, что-то стягивая и что-то снова натягивая. Это тоже всё на автомате, не включая мозги. Мозги уже спят, а у меня ещё двадцать не разобранных страниц...

В перерыве я присаживаюсь к стене, пытаюсь составить знакомые слова из уже скачущих незнакомых букв.

Стук каблуков.

– Как ты, детка?

Её ласковые руки на моём лице, и, не отрывая глаз от листов с лекциями, я целую красивые пальчики Крис.

– Рейс Олега задерживают. Лёша тебя сегодня заберёт. Мне нужно будет уехать ненадолго в конце.

Я киваю...

«В огромном числе случаев при попытке построить модель какого-либо объекта либо невозможно прямо указать фундаментальные законы или вариационные принципы, которым он подчиняется, либо, с точки зрения наших сегодняшних знаний, вообще нет уверенности в существовании подобных законов, допускающих математическую формулировку...»

Всё понятно, но что конкретно... Выдыхаю и пересчитываю ещё, наверное, раза четыре. Смысл не улавливается.

– Бегом, бегом... – кто-то из девочек тянет меня за руку.

Уже? Я же только села! Открываю глаза и понимаю, что вырубилась.

В голове шум... Ноги не держат...

Но знакомая музыка толкает вперёд, и я иду...

Походка от бедра, взгляд в зал, спину прямо... Чётко в ритм...

Надеюсь, что чётко!

Платья-туфли, туфли-платья...

Походка от бедра, взгляд в зал, спину прямо... Чётко в ритм...

«Пусть m_i – общая масса i -й ступени, λm_i – соответствующая структурная масса, m_p – масса полезной нагрузки. Величины и скорость истечения газов одинаковы для всех ступеней. Возьмём для определённости число ступеней $n = 3$. Начальная масса такой ракеты равна $m_0 = m_p + m_1 + m_2 + m_3$. Рассмотрим момент, когда израсходовано всё топливо первой ступени, и масса ракеты равна величине...»

Это я ещё иду, уже читаю или снова уснула?

По-моему, я перебарщиваю с прилежностью! К чёрту ваши «ступени»!

Распечатки летят в ведро для бумаг, я закрываю глаза и чувствую, как чьи-то щедрые пальцы всовывают в мои губы кусочек шоколада.

Чёрного.

Терпеть не могу чёрный!

Боже... Как вкусно!

Голова превращается в колокол, а знакомая музыка в набат.

Выстрелите мне в голову, добрые люди!

Встаю...

– Ты как себя чувствуешь?

Ожников.

– О*уительно! – истерически посмеиваюсь.

– Тебя рубит. Ты чего ночью делала?

Закатываю глаза, тут же их захлопывая. Отвечать лень – меня рубит!

Впихивает мне в руки свою кружку с кофе.

Гадость же страшная – очень крепкий и без сахара. Но для меня сейчас и это просто спасение. Хотя ведь накроет через час ещё сильнее после кофеина. Но через час мне уже будет по барабану. Там банкет, как-нибудь слиняю!

– Очнись! – легонько встряхивает меня за плечи.

Киваю...

Глоток...

Фу... Выпиваю залпом, как лекарство, и морщусь от горечи, возвращая кружку Сане.

Через минуту накрывает тахикардией, но легче почему-то не становится... Пить хочется жутко. Лучше бы выпила воды, чем этот дурацкий кофе!

Ладно... Ад так ад! Я готова. Что там у нас по плану?!

Музыка, платье, туфли, походка от бедра, взгляд в зал, спину прямо... Чётко в ритм...

Теперь всё по-другому. Свет рампы бьёт в глаза, заставляя кружиться мою и так невменяемую голову. Фотовспышки... Много... Нужно улыбаться, и я улыбаюсь...

Надеюсь, то, что выдают мои губы, похоже на улыбку.

Не пытаюсь сосредотачиваться, отдаю всё на волю кинестетической памяти – моё тело лучше помнит, куда идти, где замирать и как крутиться... Моя задача – удержать это тело в вертикальном состоянии.

Кулисы, Лиля, та самая «красота».

Ну что ж, надеюсь, ты того стоило...

Я зло смотрю на ненавистное мне платье.

Пока Костя поправляет на лету макияж, Лиля требовательно тянет за шнуровку сзади:

– Выдохни.

Подчиняюсь.

– Ещё...

Окей!

– Не вдыхай!

Грудную клетку стягивает до боли, и я так и не дышу...

– Всё! – радостно делает шаг назад Лиля.

– Что – всё? – пишу я. – Как дышать?!

– Потерпи. Вернёшься – я немножко расслаблю шнуровку!

Вдохнуть невозможно, и мои плечи на каждую попытку ходят вверх-вниз. Голова кружится уже непонятно, от чего. Жутко хочется пить, но на сцену шагает Ленка, и я понимаю, что практически опаздываю на свой выход. Моё платье финальное, и девочки все уже на сцене в ожидании, пока я проплыву мимо них и завершу показ.

И я плыву, расправляя спину и не дыша. Поворот на конечной точке подиума, пауза – вспышки, вспышки, вспышки. Ещё одна смена позиции – и я иду, подхватив под руку автора коллекции, останавливаясь с ним в центре подиума.

Аплодисменты!

Конечно, ему.

Но мне уже кажется, что моей выносливости!

Делаю ещё круг по сцене, мы все уходим за кулисы, где я ищу глазами Лилу, чтобы она хоть немного расшнуровала меня.

– Девочки! – хлопает в ладони Анж, привлекая внимание щебечущих девчонок. – Все вниз! Там фотографии, нужно попозировать.

– Анжела! – ловлю её. – Спаси! Шнуровка...

– Женечка! Двадцать минут фотосъёмки, и я тебя расшнурую!

Все вы так говорите...

Иду...

Улыбаясь, выдаю по очереди классическую серию поз, и когда ажиотаж немного спадает, начинаю искать глазами хоть кого-нибудь, кто может меня спасти.

Дайте мне подышать, попить и поспать!

Пить хочется невообразимо, и я перехватываю за локоть официанта и стягиваю с подноса бокал с шампанским.

– А водички нет? – жалобно спрашиваю у него.

Он с улыбкой отрицательно качает головой.

И я выпиваю эту кислятину, чтобы хоть немного унять горящее горло. Хотя понимаю, что алкоголь обезводит ещё сильнее. Но хочется, чтобы во рту было мокро.

– Какая встреча...

Голос знакомый, но неприятный.

Разворачиваюсь – передо мной тот самый, от которого когда-то Олег очень просил держаться подальше, и я собираюсь. Отвернувшись от него, иду в сторону Кристины, которая о чём-то разговаривает с незнакомыми людьми.

– Ничего не получится... – его пальцы сжимают до боли мою руку, и он практически силой вынуждает меня сделать шаг к столику с напитками, где стоит несколько мужчин из его свиты. – Я же предупреждал тебя, что всегда получаю те вещи, которые хочу.

Бесит.

Но Олег просил. И я ему обещала, вообще-то.

– Красивая... вещь... – ухмыляется он, протягивая руку к моему лицу. Я отстраняюсь.

Окружающие нас мужчины начинают услужливо и сально улыбаться.

Моя осторожность, видимо, давно уснула, а дерзость не очень.

– Я не против побыть вещью, – обвожу их взглядом. – Но только в коллекции достойного мужчины. Так как таких в этой славной компании не наблюдаю, спешу откланяться.

Изобразив реверанс, я разворачиваюсь и смываюсь на поиски наших, но как назло вижу только исчезающую в дверях открытую спину Крис. И краем сознания вспоминаю, как она предупреждала, что уедет.

Ожников летает, пытаюсь параллельно руководить процессом и отстреливаться за Крис, общаясь с различными «нужными» людьми. Его вечер закончится не скоро.

В толпе мелькает Костя, и я спешу к нему. Затащив меня в свой номер, он быстренько расслабляет корсет, и я облегчённо дышу, с вождением разглядывая стоящую там двуспальную кровать. Но если сейчас тут усну, то Лёхе придётся очень долго меня искать...

Быстро уточнив у Томилина, во сколько он собирается свалить домой, решаю, что если Демченко не появится в ближайшие полчаса, уеду с Костей.

Обречённо вздохнув, я возвращаюсь в банкетный зал, собираясь что-нибудь наконец съесть. Но зависнув над фуршетным столом, тут же отказываюсь от этой идеи. Тошнит даже от одного запаха. Шагнув в сторону, я чувствую на себе недоброжелательный взгляд и поднимаю глаза.

Лора...

Закусив губу, она протягивает мне ключи от номера.

– Алексей тебя ждёт там.

Чего?... Голова кружится.

Странно. Но анализировать сил нет. На автомате беру протянутые ключи. На брелоке цифра двадцать два. Иду на второй этаж. С чего бы это ему ждать меня в номере? Почему он не на фуршете? Почему ключи? Почему у Лоры?...

Разве у нас были номера в этом крыле?

Мои мозги уже тоже спят.

Поднимаю глаза – двадцать два. Дёргаю дверь, захожу внутрь.

Темно...

Странно...

Страшно!

Ощущение опасности накрывает с головой, как только я чувствую, что не одна здесь. Дёргаюсь обратно к двери, но меня перехватывают за руку. Щёлкает ночник.

– Подожди за дверью, – приказывает своему охраннику тот самый, которого просил опасться Олег. – Никого не выпускать и не впускать.

Отпустив мою руку, охранник выходит, прикрыв за собой дверь.

Вот это я попала... – оцениваю перспективу и идущие от него агрессивно-похотливые эмоции.

– Меня зовут Виктор, – он сидит, вальяжно развалившись в кресле. – Если ты будешь послушной, то я отпущу тебя быстро и хорошо заплачу.

– Я не проститутка.

– Все вы проститутки... – закатывает он глаза. – Дело только в цене. Ты себя переоцениваешь. Но я заплачу столько, сколько заработаешь.

– Да пошёл ты, Виктор... – немного сдаю я эмоционально.

– Ты плохо понимаешь своё положение... – ухмыляется он. – Выбор у тебя печальный. Либо ты сейчас обслужишь меня, сделав вид, что тебе по кайфу, либо тебя по-быстрому увезут за город, и ты обслужишь там полк страждущих. После чего тебя благополучно закопают, быть может, даже не удосужившись предварительно придушить. Если только не затрахают до смерти перед этим. После нашей первой встречи мне показалось, что ты неглупая девочка. Выбор же очевиден. Нет?

Господи... Как я устала...

Глава 10 – Перебор (часть 4)

Разглядываю его. Массивный, с медвежьими оплывшими плечами, раздавшийся в талии. Губы полные, капризные. Он вальяжно кривит их, сально меня рассматривая. Пьяный... Равнодушный, агрессивный... Его похоть нарастает.

И я проваливаюсь в своё саморазрушение. Там, в глубинах своего подсознания, чувствую азарт и какое-то парадоксальное удовольствие, которое приглушает мой страх. Я могу выпустить сейчас из себя всё, что угодно! Потому что принципиально это мою ситуацию не изменит. И я планирую выпустить. Поиграем...

– Сочувствую! – ухмыляюсь я.

Адреналин возвращает в моё убитое тело энергию, срывая мне тормоза.

– Чему? – тупо морщится он, вставая с кресла и скидывая пиджак.

– Даже не представляю, каким убогим надо быть в сексе, чтобы иметь необходимость принуждать женщин. А с виду, хоть и так себе, но всё же мужчина.

– Я вырву на*ер твой дерзкий язык, сука, – психует он, медленно расстёгивая рубашку.

– Рубашку можешь оставить, – посмеиваюсь я на нервах и адреналине. – Расстегни ширинку. Интересно же посмотреть на твоё недоразумение, за которое ты вынужден доплачивать.

Рывком пытается схватить меня за руку, дёргаюсь назад. Под колени давит край кровати, и я лечу на неё. Путаюсь в платье, быстро перебираюсь на другую сторону. Вскикиваю, снова путаясь в пышном подоле.

Долбанная «красота»! Мне бы кроссовки и штаны. Было бы гораздо веселее.

Мы смотрим друг другу в глаза, и я чувствую, как он звереет. Просто так я отсюда не выйду. Но если уж пошла такая пьянка, попрощайся со своей эрекцией, мудака.

– Собралась побегать от меня?

– Я много чего собралась... И ничего из этого тебе удовольствия не принесёт.

В голове пролетают варианты развязки этой истории, ни одной терпимой я найти не могу.

Опять делает рывок в мою сторону. Но он слишком здоров и неповоротлив, чтобы поймать меня. И я снова перекручиваюсь на другую сторону огромной кровати. Она между нами.

Шагнув к столу, он делает из горлышка несколько глотков водки. Его кадык двигается. И я вспоминаю, как совсем недавно так же пил Олег. И я любовалась. А от этого зрелища меня подташнивает.

– Девочек случаем на тебя не тошнит, когда ты их трахаешь? – ухмыляюсь я.

Давится водкой, бросая бутылку на пол. Сверлит меня своими пьяными пороссячими глазками. И, словно увеличившись в габаритах, прёт на меня как бык. Захлебываясь от ещё одной волны адреналина, я запрыгиваю на кровать.

Каблуки, бл*ть!!

Перехватывает за край платья, рывок, ткань трещит, и я лечу. Кровать пружинит подо мной. Довольно усмехаясь, он резкими рывками отрывает юбку платья от корсета.

Прощай, «красота»! – злорадствую я. Не полюбилось мне это платье.

Больно сжав, дёргает мои колени в стороны. Вырваться из болезненного давления его пальцев не получается. Его рука тянется к моим трусикам.

Нет уж!!

Резко напрягаю пресс, рывком поднимаюсь и, выставив когти, со всей дури мажу ему по лицу, сдирая пластами кожу и ломая маникюр. Вскрикнув, хватается одной рукой за лицо. А я с рычанием заряжаю ему каблуком в рыхлый живот. Целилась ниже... Но не судьба. Он загибается и от этой подачи. Бегу к двери, выкручиваю ручку. Дверь на секунду поддаётся, открываясь сантиметров на десять, но тут же намертво захлопывается с той стороны.

Скоты!

Ну и что делать!?

Разворачиваюсь лицом к своему насильнику. Он на коленях у кровати, болезненно скалится, держась рукой за низ живота.

– Ты ответишь за это, сука!

– Дешёвых фильмов пересмотрел?

Ищу глазами что-нибудь увесистое, останавливаясь на бутылке водки, брошенной им на пол.

Если рвануть за ней, кровать больше не будет разделять нас. С другой стороны, если разбить бутылку, получится неплохая «розочка», и я смогу покоцать его гораздо основательнее, чем ногтями.

Правда, и он меня... Но он и так меня теперь покоцает, так что...

Встаёт, сдирая с себя рубашку, расстёгивает ремень, вытаскивает его из петель.

– Штаны потеряешь, убогий.

Сейчас этот ремень распишется на моей коже, и я морально готовлюсь. Переживу. Мало, что ли, было в моей жизни ремней?

– Пи**ец тебе...

– Ну, давай! Снимай уже! – агрессивно смеюсь я. – Развлеки девушку своим недоразумением. Смех отлично заменяет секс!

Его взгляд заливают бешенством. И это неплохо. Неадекват – это, в моем случае, плюс. Если бы он расчётливо делал свои ходы, но с такой тушей я бы не справилась в этом замкнутом пространстве. А так я его вымотаю...

И мы опять начинаем метаться по комнате, пока возле кровати он не перехватывает мою руку, больно заламывая ее. Бросает меня на кровать и приземляется сверху.

Фу...

Отвратительный, грузный...

Впиваюсь ему в шею, пытаюсь попасть в сонную артерию, но зубы соскальзывают. Он с воплем размахивается, и в моей голове звенит от пощёчины. Щека начинает пульсировать и пылать.

На секунду я теряю все силы. Мышцы обмякают.

Довольно рыча, он разводит мои бёдра. Согнув ногу в колене, я снимаю туфельку, пока он пытается расстегнуть себе ширинку, и ровно две секунды решаю – почка или затылок. И, наверное, убить я пока не готова, потому что с рычанием и со всей силой луплю его стальным каблуком в почку.

С воплем скатывается с меня. Не знаю, откуда во мне берутся силы, но я подскакиваю с кровати, возвращая туфельку на место. Ещё пригодится...

Как отсюда выйти?

Смотрю на окно – второй этаж.

В глазах начинает темнеть, тело дрожит от усталости. Всё, действие адреналина кратко-срочно, и сейчас я сдуюсь. Начнётся отходняк, а я и так едва стою на ногах.

Корсет висит на мне на паре шнурков, вылезшие полоски китовьего уса разодрали кожу на груди и животе. Лицо онемело и горит от «предварительных ласк» этого мудака. Но я не чувствую боли. Мне не до неё.

Психанув, сдираю с себя корсет, оставаясь в одних стрингах.

Разглядываю его. Вымотан не меньше, чем я. Одышка... Постанывает, держась за почку.

Ты, бл*ть, всю жизнь теперь будешь вспоминать меня, такие удары по почкам бесследно не проходят. Надеюсь, я порвала тебе что-нибудь принципиальное! Внутренняя гематома обеспечена по-любому. Но мне очень мало этого ущерба. Я хочу продолжать. Где только взять сил?

Мои пальцы дрожат, с трудом поднимаю руку. Голод, бессонница и жажда отняли почти всё. Я усмехаюсь, представляя, как бы ему не поздоровилось, если бы я была в форме.

Он звереет, глядя на мою усмешку, и опасно смеётся:

– А ты наивная...

Возвращается на кресло, поднимая по дороге с пола квадратную бутылку и допивая из горла остатки.

– Тебя ж твоя рыжая хозяйка продала... Ты отработаешь в любом случае.

Ну не-е-ет! Уж в эту хе*ню я не поверю!

– Не надо мне тут свои фантазии озвучивать, – вяло отмахиваюсь. – Крис меня не подставит.

– Подставит... Все вы – суки продажные, – улыбается он с болезненной гримасой.

Ссадины на его лице вздуваются багровыми рубцами, и я люблю этим зрелищем.

– Своя-то рубаха ближе к телу... Наступят твоей Крис на горлышко, и из вас двоих она отдаст тебя... А уж я наступлю, не сомневайся! У меня много методов...

Пара картинок с этим мудаком, прикасающимся к Крис, выпивают последние силы.

Но я отмахиваюсь от этих картинок. Крис – «папина дочка». Не посмеет. Да и Олег, Лёха всегда рядом с ней.

– Никто за тебя не встрянет, дурочка! – ухмыляется Виктор. – Всех вот тут держим! – он показательно сжимает пальцы в кулак. – Ну а кто попробует – закопаем.

Обессилен, я присаживаюсь на кровать.

– Это всё понты, Витя! – моя улыбка становится сумасшедшей, я ещё не закончила эту игру. – Тому, кто настоящую власть имеет, понты не нужны. А ты – просто шакал.

– Я, бл*ть, заместитель губернатора! – ревет он.

– Да что твоя должность?! – фыркаю я. – Сегодня ты заместитель, завтра я. А власть, власть она внутри. У тебя её нет, вот ты понтами и обвешался, как ёлка новогодняя. Ходишь, трясешь причиндалами перед девками, то пугаешь их другими мужиками, то смешишь своей убогостью. А на большее не способен!

– Закрой рот, сука!

– Не нравится тебе правда, Витя! – смеюсь я устало.

– Зае*ала ты разговаривать...

Он медленно встаёт, направляясь ко мне. Двигаться я больше не могу, но, пересилив себя, поднимаюсь и делаю шаг ему навстречу.

От неожиданности он на секунду притормаживает.

Подхожу ближе, обнимаю одной рукой за шею. Его брови удивлённо взлетают вверх. Обескураженно смотрит на меня.

– Жалко, что не затылок... – вспоминаю я с сожалением свой недавний шанс. И с рычанием вкладываю все свои последние силы в удар коленом в пах.

Сжав челюсти и выпучив глаза, он оседает к моим ногам и падает на пол, выдавливая из себя «убью...»

– Если успеешь, – поднимаю бутылку и, сжав в руке горлышко, со всего размаха бью ею о подоконник. Разглядываю своё оружие. «Роза»!!

Варианты у меня несимпатичные. Трахнуть сегодня он вряд ли меня сможет. Я отхе*ачила ему там всё капитально. Будет писать кровью через синий член. Значит, сейчас я могу попасть под реальный пресс, и меня увезут далеко и надолго. И не факт, что выживу. Этот расклад – не вариант. Я могу полоснуть его по горлу своей красивой стеклянной розой, которая так надёжно сидит сейчас в моей руке. Но потом не вылезу из-под следствия. Вариант третий... Могу полоснуть себя. И тогда он не вылезет из-под следствия. Потому что утащить меня отсюда полумёртвую, в кровище, при таком количестве свидетелей и камер в коридорах – не вариант. А как входили сюда и он, и я, камеры уже засняли. Ему придётся вызвать скорую,

чтобы «убийство» не случилось... И тогда я свободна. Но не факт, что откачают. Да и видео-записи – вещь ненадёжная...

– Ты знаешь, о чём я сейчас думаю? – присаживаюсь рядом с ним. – Что мне будет проблемнее разгребать – твоё распоротое горло или своё...

– Бешеная сука! – неожиданно заваливает меня под себя, перехватывая руку с «розочкой».

Напугался... По-настоящему! И теперь его держит в тонусе адреналин, обезболивая и накачивая энергией. А мой кончился. Совсем.

Выламывает кисть, и горлышко выкатывается из моей руки.

Всё...

Я задыхаюсь под его тушей.

И далеко, словно в бочке, опять балансируя на грани сознания, начинаю слышать какие-то ещё звуки. У двери.

Господи... хоть бы кто-нибудь... СВОЙ!

Поворачиваю голову. Дверь отлетает в сторону.

Демченко...

И я начинаю надорванно, хрипло смеяться, закрывая глаза. Я выиграла...

Дальше всё мельтешит, я слышу, как рычит Лёха и что-то там про... «несовершеннолетняя», «камеры», «свидетели», «статья», «полковник милиции», «проблемы».

Я понимаю только обрывочно. Да мне вообще глубоко пое*ать на смыслы. Голос Лёхи – это всё, что мне надо сейчас, чтобы больше ни о чём не думать.

Абсолютный кайф!

Е*ать! Да это, наверное, сабспейс!

Кажется, я начинаю смеяться громче...

Подхватив меня с пола, Лёха укутывает в своё пальто. Колени подкашиваются. Чувствую, как он несёт меня на руках.

В голове всякая чушь в форме жёсткого стёба на тему изнасилований, убийств и самоубийств, но глаза не открываются. Хочется озвучить, чтобы развлечь моего спасителя, но остатки здравомыслия тормозят мои звуковые процессы. Ни к чему шокировать Лёху ещё сильнее. Я слышу, как испуганно бьётся его сердце. В глазах, которые я иногда открываю, всё мелькает. Кажется, на лестнице вижу испуганное лицо Лоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.